

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА СО РАН

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ДОЛГОСРОЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ**

Научный доклад

Москва
Издательский дом «Международные отношения»
2018

УДК 330
ББК 65.01
Р 32

Авторы:

*д.э.н. Н.Н. Михеева, д.э.н. А.В. Суворов,
д.э.н. А.А. Широков, к.э.н. И.Н. Шокин, к.э.н. К.В. Янков,
В.В. Потапенко, Н.Н. Сапова (все ИНП РАН);
академик В.В.Кулешов, чл.-к. РАН В.А.Крюков,
чл.-к. РАН В.И.Суслов, д.э.н. В.Е.Селиверстов, к.с.н. Т.Ю.Богомолова,
Ю.С.Ершов (все ИЭОПП СО РАН).*

Р 32 **Региональные аспекты долгосрочной экономической
политики** : научный доклад. М.: Издательский дом «Между-
народные отношения», 2018. – 69, [1] с.
ISBN 978-5-906367-61-7

Представленная работа является совместным трудом специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. В докладе рассматриваются проблемы пространственного развития российской экономики в долгосрочной перспективе. Констатируется, что проблемы регионального развития в последние годы не являются неотъемлемой частью общей макроэкономической стратегии и не интегрированы в единый комплекс мероприятий в области экономической политики. Формулируются и обосновываются мероприятия долгосрочной пространственной политики, интегрированной в общую стратегию развития экономики.

УДК 330
ББК 65.01

ISBN 978-5-906367-61-7

© Коллектив авторов, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Региональные и социальные аспекты структурно-инвестиционной политики.	7
1.1. Региональные аспекты реализации структурно-инвестиционной политики	7
1.2. Количественные оценки вклада региональной структурно-инвестиционной политики в экономическую динамику.	24
1.3. Социально-экономические предпосылки и условия перехода к активной структурно-инвестиционной политике.	28
1.4. Основные меры по реализации региональной структурно инвестиционной политики..	34
2. Пространственный разрез стратегии долгосрочного развития России..	36
2.1. Проблемная ситуация в пространственном развитии России..	36
2.2. Концептуальные положения стратегических направлений пространственного развития России..	41
2.3. Стратегические приоритеты пространственного развития России..	44
2.4. Возможные сценарии пространственного развития..	49
2.5. Механизмы реализации и институциональные условия реализации Стратегии пространственного развития России.	53
2.6. Сибирь в «восточном векторе» развития России	60
2.7. Эквивалентный и взаимовыгодный межрегиональный обмен в пространстве России..	63
Литература.	68

Введение

Устойчивое сохранение экономической динамики на неприемлемо низком для решения задач модернизации уровне вновь обострило дискуссию о возможных направлениях долгосрочной экономической политики. В рамках этой дискуссии особенно ярко проявились проблемы в области согласования общей экономической стратегии и элементов пространственного развития экономики. Фактически весь имеющийся набор идей в отношении региональной политики сводится к развитию агломераций, ряда стратегически важных регионов (Арктика, Крым, Дальний Восток, Северный Кавказ, Калининград), а также выравниванию бюджетной обеспеченности регионов. На наш взгляд, этого абсолютно недостаточно. Требуется понимать насколько тот или иной вариант регионального развития будет способствовать достижению ключевых целей развития экономики. А вот с этим имеются серьезные проблемы.

Региональное прогнозирование постепенно выпало из контура обоснования экономической политики на национальном уровне. Стала утрачиваться культура комплексных региональных расчетов. Это неизбежным образом стало отражаться и на документах стратегического планирования. Попытки формирования региональных прогнозов на местном уровне с их последующей агрегацией также не дают приемлемых результатов, так как компетенции региональных властей в данной области сильно отличаются, а для формирования единого пространственного прогноза необходим единый замысел и отточенные процедуры согласования региональных прогнозов.

Приоритеты макроэкономической, отраслевой, научно-технологической, социальной политики крайне неравномерно «накладываются» на пространство, создавая как возможности, так и весьма существенные ограничения для развития отдельных регионов. Для страны с огромным разнообразием природно-ресурсных, социальных, исторических и экономических условий набор факторов, обеспечивающих экономическую динамику, также отличается значительным разнообразием. Конкретные условия и особенности развития отдельных регионов могут сформировать специфические источники роста на отдельных территориях, либо создать дополни-

тельные проблемы, решение которых потребует особых мер и ресурсов.

Экономический рост всегда сильно дифференцируется по территории, он никогда не был повсеместным, даже в годы высоких общенациональных темпов рост производства в одних регионах сопровождался спадом в других. С точки зрения динамики производимого ВРП наиболее благополучным оказался 2011 год, когда рост ВРП отмечался в 80 субъектах Российской Федерации из 83 рассматриваемых. Однако даже в этом году реальные доходы населения снизились в 34 субъектах Федерации, инвестиции в основной капитал - в 10 регионах. В наиболее благополучных с точки зрения динамики реальных доходов населения 2012-2013 годах индексы ВРП падали в 12-14 регионах, в еще большем числе регионов сокращались инвестиции. Задача восстановления экономического роста и выхода российской экономики на траекторию устойчивого развития с темпами, превышающими общемировые, имеет явно выраженную региональную специфику, которая должна быть учтена при разработке стратегии экономического развития страны.

Пространственное развитие является сложным объектом государственного регулирования, поскольку должно учитывать не только экономические, но и социальные, экологические, политические, национально-культурные, геополитические аспекты развития пространственных систем, причем экономика не всегда является доминирующей.

Количественные оценки сценариев долгосрочного пространственного развития, предполагающие различные пропорции регионального распределения инвестиций, показывают, что перераспределение финансовых ресурсов (в том числе бюджетных) от богатых к бедным регионам не будет оказывать значительного влияния на общенациональные параметры экономического роста, однако выбор приоритетов пространственного распределения инвестиций может существенно влиять на динамику отдельных регионов. При этом нарастание проблем и кризисных явлений в экономике и социальной сфере в отдельных частях страны при дальнейшем развитии пространственных диспропорций может создать весьма существенные проблемы для экономического роста в целом, поскольку не только потребует отвлечения финансовых ресурсов от выбранных общенациональных приоритетов для разрешения наиболее острых

кризисных ситуаций в отдельных регионах, но и будет вести к негативным последствиям социального и политического характера.

Обоснование стратегии пространственного развития требует внятных количественных оценок экономических последствий принимаемых решений. В этой связи нам представляется важным поддержание и развитие методологии комплексного макрорегионального прогнозирования с использованием накопленного в России в течение последних десятилетий опыта. Наряду с использованием наиболее современных методов анализа и прогнозирования это должно позволить вновь сделать пространственный прогноз неотъемлемым элементом средне- и долгосрочного прогноза, повысить уровень регионального компонента стратегического планирования.

В настоящем докладе, представляющем результаты совместных исследований ИНП РАН и ИЭОПП СОРАН по проблемам пространственного развития, рассмотрены различные аспекты формирования политики пространственного развития России, направленной на восстановление экономического роста российских регионов и выход на траектории устойчивого развития в долгосрочной перспективе, а также представлены количественные оценки для различных сценариев пространственного развития России.

Доклад состоит из двух частей. В первой рассмотрены приоритеты региональной структурно-инвестиционной политики, возможности и ограничения для ее реализации, вытекающие из особенностей развития отдельных регионов. Вторая часть посвящена разработке пространственных проблем стратегии долгосрочного развития России.

1. Региональные и социальные аспекты структурно-инвестиционной политики

1.1. Региональные аспекты реализации структурно-инвестиционной политики

Структурно-инвестиционная политика включает комплекс мер, нацеленных на сглаживание диспропорций, в том числе, диспропорций пространственного развития, которые не устраняются традиционными рыночными механизмами и требуют государственного вмешательства различными способами, включая механизмы финансирования инвестиций в основной капитал.

*Региональная структурно-инвестиционная политика является **селективной** и представляет один из инструментов для стимулирования экономического роста на уровне регионов. Она нацелена на устранение диспропорций пространственного развития, целенаправленного формирования перспективной структуры распределения по территории страны производства и трудовых ресурсов путем решения актуальных проблем в развитии регионов. Региональная структурно-инвестиционная политика не подменяет пространственную политику (хотя и включает в свою целевую область те приоритеты пространственного развития, для реализации которых могут использоваться механизмы и инструменты структурно-инвестиционной политики). Как всякая селективная политика, структурно-инвестиционная политика должна дополняться эффективной региональной политикой, обеспечивающей распространение эффектов экономического роста на другие территории, а также поддержку проблемных регионов.*

Дисбалансы пространственного развития. Пространственное развитие постсоветской России характеризуется рядом устойчивых тенденций, которые, несмотря на высокую инерционность пространственных процессов и «сопротивление пространства», сформировали крайне непропорциональное распределение по территории страны населения, производимых и используемых доходов, инвестиционных ресурсов. Общим направлением изменения пространственной структуры практически по всем показателям,

исключая добычу полезных ископаемых, является увеличение доли западных регионов за счет снижения доли восточных. В стране очень высок уровень межрегиональной дифференциации показателей экономического развития, доходов населения, обеспеченности социальными благами. Многолетние попытки правительства снизить уровень межрегиональной дифференциации путем сглаживания показателей бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации позволяют не допустить коллапса социальной сферы в отдельных регионах, однако не решают проблемы растущих дисбалансов пространственного развития.

Сложилась устойчивая тенденция концентрации доходов и населения в небольшом количестве регионов. На долю десяти крупнейших регионов¹ в 1994 году приходилось 41,4% суммарного ВРП, в 2008-2013 годах – более 53%. Некоторое сокращение доли регионов-лидеров произошло в 2015 году – до 51%. При этом в указанных регионах в 1994 году проживало 29% населения страны в 2015 – 32,4%. Особая роль в сверхконцентрации регистрируемого на территориях ВРП принадлежит столичным агломерациям и нефтегазодобывающим регионам.

Базовой тенденцией пространственного развития России является усиление концентрации человеческого капитала, инфраструктуры, инновационного потенциала в крупнейших городах, в первую очередь это касается Московской и Санкт-Петербургской агломераций. Концентрация доходов в столичных агломерациях спровоцировала непропорциональные потоки трудовой миграции в их пользу, концентрацию наиболее качественных трудовых ресурсов в ограниченном числе регионов и ухудшению демографической ситуации в подавляющем большинстве регионов.

Существуют значительные дисбалансы между развитием экономики регионов и транспортной инфраструктуры, препятствующие росту производства в регионах. Слабость транспортной инфраструктуры в восточной части страны, в том числе связывающей восточные регионы между собой, отсутствие выхода в опорную транспортную сеть страны способствуют нарастанию негативных

¹ По данным за 2015 год это: Москва, Московская область, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Республика Татарстан, Ямало-Ненецкий автономный округ, Свердловская область, Красноярский край, Республика Башкортостан. Перечень первой десятки регионов - лидеров во времени почти не меняется.

тенденций в их экономике и социальной сфере. Недостаточное развитие сети морских портов и современных пограничных переходов препятствует использованию экспортного потенциала регионов, интеграции российской экономики в мирохозяйственные связи. Недостаточная пропускная способность и низкое качество автомобильных дорог в регионах, низкий уровень внутрирегиональной связанности территорий, неразвитость системы современных высокоскоростных видов транспорта приводят к росту транспортных издержек, снижают мобильность и качество жизни населения.

В течение всего постсоветского периода реальное пространственное распределение инвестиций подчинялось отраслевым и *корпоративным* интересам, приоритеты в инвестировании получали регионы, имеющие рыночные преимущества: специализацию на добыче и производстве конкурентоспособных на мировом рынке ресурсов, а также использующие административный ресурс, в частности, столичную ренту, реализацию общенациональных имиджевых проектов. Треть всех накопленных с 2000 года инвестиций в основной капитал было вложено в Москву и Московскую область, Тюменскую область (с округами) и Санкт-Петербург. В отраслевой структуре инвестиций пятая часть всех инвестиций ушла в добычу полезных ископаемых, еще 17-19% - в транспорт, прежде всего обеспечивающий добычу и транспортировку полезных ископаемых.

Региональные приоритеты структурно-инвестиционной политики. Одной из центральных задач структурно-инвестиционной политики является определение приоритетов для инвестирования, обеспечивающих модернизацию структуры экономики и формирование надлежащих источников роста. Объектами региональной структурно-инвестиционной политики должны быть регионы, которые располагают необходимыми условиями для модернизации производства и в которых инвестиции могут дать наиболее ощутимый эффект в кратко- и среднесрочной перспективе.

Конкурентными преимуществами в этом плане обладают производства в регионах трех типов:

- традиционных промышленных регионах, имеющих потенциал развития и модернизации;
- регионах, в которых формируются новые точки роста, создающие мультипликативные эффекты регионального и межрегионального характера;

- регионах, обеспечивающих геополитические и национальные стратегические приоритеты России (Арктика, Дальний Восток, Северный Кавказ, Калининградская область, Крым и др.).

В условиях жестких ресурсных ограничений, а также ограничений, следующих из сложившейся в регионах структуры производства, качества трудовых ресурсов, *наибольшим потенциалом восстановления экономического роста, модернизации производственной базы обладают традиционные промышленные регионы.* Такие регионы в максимальной степени сохранили и обновили производственные мощности различного качества в обрабатывающих секторах промышленности, а также обладают кадровыми ресурсами, сложившейся производственной и транспортной инфраструктурой, что позволит существенно сократить издержки на запуск и расширение производства. При создании благоприятных конъюнктурных условий бизнес с высокой вероятностью будет ориентироваться на эти регионы. При реализации активной структурно-инвестиционной политики наиболее значимыми с точки модернизации экономики регионами могут стать Поволжье (Республики Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, Нижегородская, Самарская, Ульяновская области); Урал (Свердловская, Челябинская области); Сибирь (Красноярский край, Новосибирская, Омская, Иркутская области); часть территорий Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский край); регионы Центрального округа, существенно обновившие в последние годы производственную базу и имеющие потенциал для дальнейшего развития (Калужская, Белгородская, Воронежская, Тульская области). Эти регионы будут формировать базу промышленной кооперации и оказывать влияние на развитие производств в других частях страны.

Формирование новых точек роста в регионах связано с созданием новых производств, в том числе высокотехнологичных, импортозамещением, развитием транспортной и логистической инфраструктуры, обеспечивающей внешнеэкономическую деятельность. Создание новых производств высокого технологического уровня не обязательно привязано к крупнейшим инновационным центрам, примером в этом отношении является строительство космодрома «Восточный». Развитие транспортной и логистической инфраструктуры внешнеэкономической деятельности связано, прежде всего, с модернизацией и дальнейшим развитием российских портов и при-

морских регионов, а также обустройством и развитием системы пограничных переходов.

Специфика *регионов, реализующих общенациональные приоритеты*, состоит в том, что в отношении их приняты государственные программы², которые обеспечивают приток государственных инвестиций, а также реализуют уже сформированную систему стимулов и преференций для привлечения в эти регионы трудовых ресурсов и частного капитала. В указанных регионах может проводиться политика развития экспортного потенциала, в том числе сырьевого, формирование кооперационных производств с участием иностранных компаний, расширение транспортной инфраструктуры, ориентированной на развитие внешнеэкономической деятельности.

К числу приоритетных объектов региональной структурно-инвестиционной политики *не отнесены регионы с преобладанием в структуре их производства добычи полезных ископаемых*, имеющие самые высокие в стране показатели среднедушевого ВРП, как правило, располагающие финансовыми ресурсами. Расположенные в таких регионах предприятия добывающего комплекса, в первую очередь, топливно-энергетического, не имеют возможности значительного роста объемов производства (не более 1-2% в год), однако они будут обеспечивать доходную базу для федерального бюджета и курсовой устойчивости рубля. При этом они располагают достаточными ресурсами для формирования доходной базы региональных бюджетов и поддержания уровня доходов населения в регионах.

Развитие *крупнейших агломераций* в рамках сценария экономической модернизации будет сдерживаться рядом факторов, среди которых наиболее значимыми являются высокая стоимость трудовых ресурсов и ограниченные возможности строительства новых производственных объектов. В связи с этим возможности дальнейшего внутреннего миграционного прироста в сторону существующих крупных агломераций следует признать ограниченными, прежде всего, в силу сложностей с созданием в них достаточного числа вы-

² В отношении отдельных регионов приняты и разрабатываются 5 госпрограмм: Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона; Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года; Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2025 года; Социально-экономическое развитие Крымского федерального округа на период до 2020 года; Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации.

сокопроизводительных рабочих мест. Тем не менее, существующий промышленный потенциал этих крупных регионов будет и далее являться важной частью общего промышленного каркаса страны.

Даже в условиях относительно благоприятного сценария развития национальной экономики часть территорий останется слабо привлекательной с точки зрения экономической эффективности. Прежде всего, речь идет о регионах русского Севера, Нечерноземья, ряде сибирских регионов. Для этих регионов, которые помимо прочего будут находиться в условиях достаточно сложной демографической ситуации, должны быть предусмотрены специальные программы, направленные на повышение общего качества жизни, внутрирегиональной транспортной связанности, развития малого бизнеса, включение средних и малых предприятий из этих регионов в структуру производственных цепочек крупнейших российских компаний. Главной их целью должно стать постепенное снижение уровня отрицательного миграционного прироста населения и повышение уровня бюджетной обеспеченности.

В случае выстраивания такого рода приоритетов региональной структурной политики создаются возможности для устойчивого развития большого количества региональных экономик, не входящих в описанные выше приоритетные группы. Повышение уровня их экономического развития станет результатом общего повышения качества экономического роста в стране на базе новых источников доходов.

Региональные ограничения для реализации структурно-инвестиционной политики. Важнейшим фактором, ограничивающим развитие отдельных регионов, в том числе, стимулирование в них экономической активности, являются демографические процессы. Демографический прогноз ИНП РАН³ показывает, что при сохранении сложившихся демографических трендов, интенсивности и направлениях миграционных процессов численность населения России в 2030 году по сравнению с 2016 годом может сократиться на 868 тыс. человек, падение численности населения прогнозируется практически во всех регионах, прирост ожидается только в Северо-Кавказском федеральном округе, республиках Татарстан и Баш-

³ Демографический прогноз ИНП РАН основывается на демографическом прогнозе Росстата в части параметров рождаемости и смертности населения и разработанных в ИНП РАН гипотезах относительно динамики миграционных процессов.

кортостан, где предполагаются достаточно благоприятные демографические показатели. Из числа других регионов положительная динамика населения сохранится только в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Калининградской области, ХМАО-Югре, Тюменской области, где она будет обеспечиваться за счет миграционного прироста.

В базовом варианте демографического прогноза прирост численности населения составит в 2030 году по сравнению с 2016 годом 291 тыс. человек. Предполагается, что суммарный коэффициент рождаемости, составивший в 2015 году 1,78 ребенка на женщину, в течение прогнозного периода будет плавно расти и к 2035 году составит 1,86 ребенка на женщину. Наибольшие значения суммарного коэффициента рождаемости ожидаются в Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском федеральных округах наименьшие – в Центральном и Северо-Западном округах. Предполагается, что происходящее в течение уже более десяти лет снижение уровня смертности в России продолжится. Различия в ожидаемой продолжительности жизни при рождении между федеральными округами будут относительно невелики. Наименьшие ее значения прогнозируются в Дальневосточном федеральном округе (69 лет у мужчин и 79 лет у женщин), наибольшие – в Северо-Западном федеральном округе (72 года у мужчин и 83 года у женщин). В прогнозе предполагается сокращение межрегиональных потоков в основные регионы-реципиенты: Москву, Московскую область, Санкт-Петербург и Краснодарский край (хотя эти регионы и останутся наиболее привлекательными для миграции) и ослабление «западного дрейфа» внутрироссийской миграции.

К концу прогнозного периода численность населения Северо-Кавказского, Южного, Уральского, Сибирского федеральных округов немного, но увеличивается, во всех остальных округах она сокращается. В Центральном округе положительная динамика численности населения предполагается в Москве и Московской области, небольшой прирост населения прогнозируется в Белгородской и Курской областях, во всех остальных регионах округа численность населения в перспективе сокращается. В Северо-Западном федеральном округе прирост численности населения предполагается в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Калининградской областях. В Южном федеральном округе динамика положительна во всех ре-

гионах, исключая Республику Калмыкия и Астраханскую область. В Приволжском федеральном округе положительная динамика населения предполагается только в республиках Татарстан и Башкортостан. Существенные изменения демографической ситуации предполагаются в Уральском федеральном округе, где положительная динамика ожидается в крупнейших индустриальных центрах - Свердловской и Челябинской областях. В Сибирском федеральном округе прирост численности населения прогнозируется в южных регионах - Новосибирской, Омской, Томской областях, на Дальнем Востоке - в Приморском и Хабаровском краях, Республике Саха (Якутии).

Реализация структурно-инвестиционной политики, стимулирующей использование эндогенных факторов роста, модернизацию производства, создание высокодоходных рабочих мест в регионах, будет способствовать изменению характера миграционных потоков, сохранению населения в местах исторического проживания, препятствовать сверхконцентрации населения в мегаполисах.

Для территориального развития принципиально важным является вопрос о ресурсах, формирующих потенциал экономического развития регионов. Разница между производимыми в регионах объемами добавленной стоимости и ее использованием на потребление и накопление позволяет объективно (безотносительно межрегионального перераспределения) оценить возможности разных регионов самостоятельно сформировать ресурсы воспроизводства. Анализ показывает, что в динамике такие возможности для большинства регионов сокращаются. В 2000 году объем производимого ВРП перекрывал объем конечного потребления домашних хозяйств и валового накопления во всех федеральных округах кроме Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, т.е. обеспечивал условия для расширенного воспроизводства на уровне макрорегионов. К 2013 году условия для расширенного воспроизводства сложились только в половине федеральных округов (Центральном, Северо-Западном, Уральском, Дальневосточном), причем превышение минимально, т.е. доходы производятся в одних регионах, а потребляются в других.

На уровне субъектов Российской Федерации ситуация дифференцирована еще больше. Производимые ресурсы валовой добавленной стоимости достаточны для обеспечения конечного потре-

бления и накопления лишь в 22 регионах, причем в 14 регионах производимые ресурсы недостаточны даже для покрытия конечного потребления домохозяйств. В число регионов, ресурсы которых достаточны для расширенного воспроизводства, входит большинство регионов с экспортноориентированным добывающим сектором, а также Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Ярославская области, Республика Хакассия.

Это означает, что масштабные межрегиональные перераспределения добавленной стоимости неизбежны. В настоящее время наибольшее внимание принято уделять «формализованным» механизмам межрегиональных перераспределений добавленной стоимости через бюджеты. Однако, реальные возможности бюджетов очень ограничены, их влияние невелико. *Основной объем ресурсов перераспределяет бизнес, в том числе, госкорпорации и институты развития, для которых должны быть внятно сформулированы региональные приоритеты.* В рамках реализации структурно-инвестиционной политики механизмы межрегионального перераспределения ресурсов могут использоваться для консолидации ресурсов в приоритетных регионах. Реализация структурно-инвестиционной политики приведет к росту спроса в приоритетных регионах и тем самым, через систему межрегиональных взаимодействий будет способствовать концентрации в них доходов и ресурсов.

Не менее важным фактором территориального развития является структура спроса. Тенденции сокращения промышленного потенциала и снижения доли промышленных («торгуемых») отраслей в добавленной стоимости характерны для большинства российских регионов. Высокая доля «неторгуемых» отраслей, ориентированных на внутрирегиональный спрос, при плохо развитой инфраструктуре и низкой плотности населения, характерной для большинства российских регионов, означает создание локальных рынков, которые не имеют внешних драйверов роста – внешнего спроса при весьма ограниченном внутреннем спросе.

Узость внутрирегиональных рынков является одной из существенных причин депрессивности регионов. Более того, в условиях падения доходов населения и бизнеса модель роста регионов, ориентированная на внутрирегиональный спрос, попадает в замкнутый круг: низкий спрос ведет к сокращению производства, что генерирует низкие доходы и опять порождает низкий спрос, наиболь-

шие риски в этой связи возникают в регионах в наибольшей мере ориентированных на «неторгуемые» отрасли. Стандартный выход для регионов с узким локальным рынком – внешний импульс, которым может быть экспортный спрос либо межрегиональный спрос на «торгуемые» товары. В связи с этим развитие межрегионального рынка является одним из важнейших факторов стимулирования роста в регионах, развиваться он может на базе «торгуемых» отраслей, в первую очередь, промышленности, которая может стать реальным стимулом для подъема экономики отдельных регионов.

Особое значение для экономического роста имеет потребительский спрос, на долю которого в отдельных регионах приходится более 70% конечного спроса. В условиях кризиса, на фоне опережающего падения инвестиционного и экспортного спроса именно конечное потребление домашних хозяйств является фактором, определяющим стабильность социально-экономической ситуации в регионе и возможности его роста. По сравнению с 2013 годом объем потребительского спроса по России снизился в 2016 году на 9,9%, максимальное падение произошло в восточных регионах страны: в Уральском федеральном округе – на 15,8%, в Сибирском – на 15%, Приволжском – на 11,3%. Сокращение потребительского спроса было минимальным в Дальневосточном – 0,3% и Северо-Кавказском федеральных округах – 2,3%. Однако максимальный вклад в совокупный спад потребительского спроса по стране за счет Москвы и Московской области внес Центральный федеральный округ – в 2015 году на его долю пришлось 40% сокращения потребительского спроса, в 2016 году – 36,6%, за ним следует Приволжский федеральный округ, на долю которого пришлось соответственно 23,3% и 17% снижения потребительского спроса.

Предпосылки для восстановления потребительской активности и в перспективе положительной динамики потребления связаны со стабилизацией и начавшимся в некоторых регионах ростом заработной платы, а также ростом потребительского кредитования. Роль заработной платы в формировании доходов населения по регионам также сильно различается, при этом прямой зависимости между динамикой реальной заработной платы и реальных доходов населения не прослеживается. Доля оплаты труда в денежных доходах населения наиболее высока в северных регионах, где возможности получения других доходов ограничены, минимален вклад заработной

платы в формирование доходов в сельскохозяйственных, особенно в южных регионах страны, где в структуре доходов преобладают другие доходы, а также в регионах с низкими доходами и пожилым населением, в которых высока доля социальных выплат.

Конечное потребление домашних хозяйств как фактор экономической динамики в регионах находится в сильной зависимости от процессов перераспределения доходов, которые регулируются государством через систему социальных выплат населению и социальных трансфертов в натуральной форме, в ряде случаев происходят независимо от государства, как в случае межрегиональных перетоков доходов населения и корпораций. Социальные трансферты, на долю которых в регионах приходится 13-20% фактического конечного потребления домашних хозяйств, выполняют демпфирующую роль в формировании территориальных пропорций фактического конечного потребления. На территориальную структуру распределения социальных трансфертов влияют различия в социально-экономических условиях развития регионов, включая северные удорожания, влияющие на стоимость предоставления социальных услуг, которые обуславливают самую высокую долю трансфертов в фактическом конечном потреблении на Дальнем Востоке. В связи с этим политика стимулирования роста заработной платы как основного фактора повышения доходов населения и восстановления потребительского спроса должна сопровождаться ростом социальных выплат и социальных трансфертов в натуральной форме, позволяющей избежать значительного увеличения межрегиональной дифференциации доходов населения.

Особо выделим проблему бюджетных ограничений инвестиционных возможностей развития регионов. Более 80% от общего объема инвестиций проходит через внебюджетные источники, однако инвестиционные стратегии бизнеса, как правило, не только не нацелены на реализацию приоритетов пространственного развития, но и не имеют регионального разреза.

Основным инструментом прямого государственного регулирования пространственного развития являются бюджетные инвестиции, хотя их доля относительно невелика и составляет порядка 15-17% суммарных инвестиций, в динамике наблюдается устойчивая тенденция снижения в суммарных инвестициях доли региональных бюджетов и рост доли федерального бюджета. Инвестиции из феде-

рального бюджета играют определяющую роль в экономике ряда регионов, причем в период кризиса, несмотря на их значительное падение именно инвестиции из федерального бюджета поддерживали инвестиционную активность в регионах. В 2016 году доля бюджетных инвестиций составила 16% (9% из федерального бюджета и 7,0% из региональных бюджетов), при этом за счет средств федерального бюджета было сформировано 25,7% от общего объема инвестиций в Северо-Кавказском федеральном округе, 21,1% в Южном и 10,6% в Дальневосточном федеральных округах. В республиках Ингушетии и Северной Осетии-Алании инвестиции из федерального бюджета превысили 70% от общей суммы, в Приморском, Хабаровском краях и Еврейской автономной области – более 20%.

В пространственной структуре инвестиций из региональных бюджетов традиционно доминировали Москва, Тюменская область с автономными округами, другие регионы, получавшие доходы от сырьевого экспорта. В 2016 году доля инвестиций из регионального бюджета существенна только в Москве (21,2% от всех инвестиций). Абсолютное большинство регионов крайне ограничено в возможностях инвестирования из региональных бюджетов, поскольку в бюджетах просто нет ресурсов для формирования инвестиционной программы. В условиях жесткого дефицита бюджетных инвестиций регионы вынуждены конкурировать друг с другом за привлечение внебюджетных инвестиционных ресурсов путем предоставления потенциальным инвесторам различного рода преференций и льгот, в том числе налоговых, подрывая тем самым доходную базу своих бюджетов.

Факторы, поддерживающие реализацию региональной структурно-инвестиционной политики. В силу комплексного характера региональной структурно-инвестиционной политики, направленной на активизацию факторов экономического роста, имеющихся в регионах, ее реализация предполагает грамотное сочетание и использование различных условий, механизмов и инструментов, разработанных на федеральном и региональном уровнях.

Государственные программы. Перспективное пространственное распределение государственных инвестиций будет определяться уже принятыми решениями по реализации государственных программ, упоминавшихся выше, а также решениями относительно развития транспортной инфраструктуры, принятыми в госпро-

грамме «Развитие транспортной системы» и «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года».

В среднесрочных прогнозах предполагается, что рост государственных инвестиций начнется в 2019-2020 годах, указанные программы и проекты будут реализовываться, однако объемы инвестиций в них сокращаются, сроки реализации переносятся на более поздние периоды. В территориальной структуре распределенных инвестиций по регионам доминируют инвестиции в Южный федеральный округ за счет крымских проектов (порядка 40%), в динамике увеличиваются доли Северо-Западного, Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Тем не менее, инвестиции госпрограмм, а также программные мероприятия, выполняют стабилизирующие и поддерживающие функции в регионах, использование их ресурсов в приоритетных регионах может рассматриваться, по крайней мере, как фактор, создающий некоторые объемы спроса для модернизируемых предприятий.

Инвестиции в транспортный и топливно-энергетический комплексы, основная доля которых придется на восточные регионы страны – Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный федеральные округа – рассматриваются как важнейший фактор, определяющий общую динамику. С началом разработки месторождений, являющихся ресурсной базой для поставок газа по трубопроводу «Сила Сибири», возобновится рост капитальных вложений в газовой отрасли. Проведение работ по поэтапному расширению пропускной способности трубопроводной системы «Восточная Сибирь - Тихий океан» и развитие системы магистральных нефтепроводов для обеспечения увеличения поставок нефти в Китай будет способствовать приросту капитальных вложений в нефтяной отрасли, которые также будут реализованы в восточных районах страны.

В то же время, необходимо иметь в виду, что масштабные инфраструктурные проекты по окончании инвестиционного цикла оказывают весьма скромное влияние на экономику регионов – реципиентов капиталовложений. Так, обслуживание трубопроводов после завершения строительства создает ничтожно мало рабочих мест, а добавленная стоимость от эксплуатации таких объектов находится в распоряжении компаний, не являющихся «резидентами» регионов.

В долгосрочной перспективе рост инвестиций будет связан с реализацией инвестиционных проектов в транспортном, нефтегазовом комплексах и смежных с ним производствах, в электроэнергетике, в сырьевых отраслях, с расшивкой «узких мест» транспортной инфраструктуры, развитием Восточного полигона, строительством ВСМ Москва-Казань, ростом ввода автомобильных дорог федерального значения в ближайшее десятилетие и другими инфраструктурными проектами. Реализация указанных приоритетов пространственного развития дает возможность для отдельных регионов получения государственных инвестиций, создающих на территории мультипликативные эффекты, а также стимулы для привлечения частных инвестиций, направляемых на модернизацию производства.

Жилищное строительство. Значительный потенциал инвестиционного спроса в регионах, отличающийся высоким мультипликативным эффектом, сосредоточен в жилищной сфере. Возможности его реализации сильно ограничиваются доходами населения и финансовыми ресурсами государства, тем не менее, при определенных условиях, он может быть реализован. Жилищное строительство как механизм стимулирования экономического роста имеет ряд особенностей, привлекательных с точки зрения подъема экономики отдельных регионов: стимулирует спрос на местные строительные материалы, обеспечивает загрузку строительного комплекса, привлекает сбережения населения и пр. С другой стороны, строительство жилья, улучшение жилищных условий является важнейшей предпосылкой решения социальных и экономических проблем в конкретных регионах, обеспечения экономического роста трудовыми ресурсами.

Этот потенциал и возможности его реализации крайне неравномерно распределены по территории страны. Почти половина жилого фонда сосредоточена в двух федеральных округах: Центральном (28,5% всего жилого фонда и 30,5% сельского) и Приволжском (20,8% всего фонда и 19,7% сельского). Регионы сильно дифференцированы по состоянию жилого фонда, его благоустройству, обеспеченности жилой площадью. Доля ветхого и аварийного жилья в среднем по России составляет 2,5%, в Центральном и Южном федеральных округах – 1,2%, в Дальневосточном – 5,8%, Северно-Кавказском федеральном округе – 5,9%. Минимальный уровень обеспеченности жилой площадью также в восточных регионах страны. При среднем по стране показателе 24,4 м² в Сибирском федеральном округе он

составляет 23 м2, в Дальневосточном – 23,3м2; ниже он только на Северном Кавказе – 20,3 м2 и в Крыму – 16,6 м2. Оценки показывают, что только для замещения ветхого и аварийного жилищного фонда необходимый объем инвестиций составляет 3480,4 млрд. руб. Если же исходить из задачи замещения неблагоустроенного городского жилищного фонда, то общая сумма необходимых инвестиций составит 26843,2 млрд. руб.

В целом, реализация жилищных программ способна оказать весьма существенное влияние на инвестиционный и потребительский спрос, интенсификацию использования местных ресурсов; межрегиональную и внутрирегиональную миграцию. По нашим оценкам, прирост ВВП, связанный с данным фактором, за период 2017 – 2035 гг. может составить 0,45 – 0,75 п.п. в год (в зависимости от региона).

Модернизация социальной инфраструктуры. Потенциалом роста, способным стимулировать модернизацию промышленности и обеспечивающим условия для нее, однако требующим значительных объемов инвестиций, является модернизация социальной и производственной инфраструктуры регионов. Комплексная оценка инфраструктурной обеспеченности регионов показывает ее значительные различия даже на уровне крупных макрорегионов – федеральных округов, при переходе к субъектам Российской Федерации различия возрастают в разы. Интегральный коэффициент инфраструктурной обеспеченности, включающий оценку обеспеченности социальной, инженерной, транспортной, информационно-коммуникационной, энергетической, рыночной инфраструктурой, составляет в Центральном федеральном округе 130% к среднему по стране (в Москве – 193%), в Дальневосточном – 86%, Северо-Кавказском федеральном округе – 81%. Устранение этих диспропорций и создание в регионах инфраструктуры, обеспечивающей условия для эффективного производства и развития человеческого потенциала, останется в числе важнейших задач на долгосрочную перспективу, направления и методы решения которой будут формировать региональные пропорции распределения инвестиций в развитие инфраструктуры.

Особенности реализации структурно-инвестиционной политики на уровне регионов. В перспективе должна возрасти роль механизмов реализации структурно-инвестиционной политики,

действующих на федеральном уровне. Вместе с тем, интенсивность влияния федеральных институтов развития на региональном уровне не может быть одинаково эффективной. Из всего комплекса специализированных каналов финансирования для регионов наиболее важными являются Фонд развития АПК, АИЖК, институциональные корпорации (МСП и др.).

В настоящее время разработан широкий спектр инструментов региональной политики, которые могут быть использованы для привлечения инвестиций на приоритетные территории (особые экономические зоны, территории опережающего роста, специальные инвестиционные контракты, другие формы создания преференций). Большинство регионов достаточно активно пытаются привлекать инвестиции, используя весь спектр инструментов повышения их инвестиционной привлекательности, разработанных в настоящее время на федеральном уровне. Практически во всех регионах приняты инвестиционные стратегии, которые используются регионами как инструмент для привлечения инвестиций и межрегиональной конкуренции за инвестиционные ресурсы. Лучшие практики регионов по привлечению инвестиций анализируется и тиражируется.

Однако существенным фактором, сдерживающим инвестиционную активность подавляющего большинства российских регионов, является острый дефицит собственных финансовых ресурсов. Основные причины этого дефицита: а) налоговые нормативы, в соответствии с которыми большая часть налоговых доходов, собранных в регионе, перечисляется в центр; б) целевое предназначение субсидий, субвенций и дотаций, которые направляются из центра в регионы почти исключительно на финансирование социальных нужд, очень слабо учитывая инвестиционные потребности территорий.

Предложения по смягчению этого дефицита таковы: а) поощрять экономически активные регионы, позволяя им дополнительно оставлять себе более высокую долю от прироста налоговых сборов на своей территории; б) позволить регионам в ряде случаев перенаправлять средства федеральной поддержки с решения социальных задач на решение инвестиционных (например, в случае экономии или не востребоованности социальных расходов); в) значительно увеличить масштаб финансирования федеральных программ и институтов, ориентированных на поддержку (целевые субсидии, софинан-

сирование, гранты и т.д.) инвестиционной деятельности регионов.

Для обеспечения пространственных приоритетов структурно-инвестиционной политики необходима регионализация основных направлений и инструментов, используемых на федеральном уровне, введение обязательного и полного учета пространственных условий и оценки пространственных последствий государственных решений. В настоящее время ни федеральное правительство в целом, ни одно отдельно взятое федеральное ведомство не имеют полного и достоверного представления о том, как принимаемые ими решения накладываются на «сетку регионов». Между тем любое из этих решений имеет четкую региональную привязку, реализуется на сугубо конкретной территории, даже если прямо и не касается пространственной проблематики, а имеет отраслевую ориентацию или объектную привязку. Любое решение (экономическое, инвестиционное, социальное и др.) обязательно имеет пространственно опосредованные эффекты и последствия. И это непреложное обстоятельство пока мало или вовсе не учитывается органами федеральной власти в практике принятия и реализации государственных решений, что снижает их обоснованность и результативность, не способствует гармонизации отношений «центра» и регионов.

Поэтому требуется законодательное установление требования обязательного учета пространственных условий и оценки пространственных последствий решений, принимаемых федеральными органами власти, введение пространственного разреза во всех видах прогнозных, плановых и оперативных документов, разрабатываемых и принимаемых на федеральном уровне. Пространственный разрез также обязательно должен присутствовать в прогнозно-плановых документах развития естественных монополий (ПАО «Газпром», РАО «РЖД», ПАО «Транснефть») и корпораций с государственным участием (ПАО «НК «Роснефть» и др.). Необходимо сделать открытой (т.е. доступной для всех заинтересованных регионов) информацию, содержащуюся в пространственных прогнозах и планах этих корпораций.

В то же время, нельзя допускать избыточную, необоснованную конкуренцию между регионами за инвестиционные ресурсы корпораций. Желание привлечь производственные инвестиции на «свою» территорию зачастую бывает настолько велико, что предлагаемые

региональными властями размеры льгот и финансирования выходят за рамки разумного.

Резерв роста для экономики России в целом содержится в повышении качества межрегионального сотрудничества, потенциал прямой экономической кооперации регионов далеко не реализован. Поддержка проектов межрегионального значения, стимулирование развития экономически интегрированных макрорегионов должны стать приоритетом “территориальной проекции” федеральной инвестиционной политики. Проекты межрегионального сотрудничества могут поддерживаться как в рамках государственных программ и ФАИП, так и через другие инструменты.

1.2. Количественные оценки вклада региональной структурно-инвестиционной политики в экономическую динамику

Расчеты сценарных вариантов пространственного развития показывают, что при умеренно-благоприятном сценарии долгосрочного роста российской экономики за счет реализации региональной структурно-инвестиционной политики может быть обеспечен прирост суммарного валового регионального продукта к 2030 году на 1,3 п.п. выше, чем в инерционном сценарии, суммарного потребления домашних хозяйств – на 3,4 п.п.

При предполагаемых средних по России темпах прироста суммарного ВРП на уровне 4,1% в год за период 2017-2030 годы в целом, среднегодовой прирост ВРП Дальневосточного федерального округа оценивается в 4,5%, Сибирского и Северо-Кавказского федеральных округов – на уровне 4,5% (табл. 1.1). Опережающий по сравнению со средним значением по России рост экономики предполагается также в Южном федеральном округе, где он будет формироваться за счет реализации инфраструктурных проектов, создания новых мощностей в обрабатывающих отраслях, развития сельского хозяйства. Отставание от средних темпов роста ВРП в Центральном и Северо-Западном федеральных округах будет определяться невысокими темпами роста столичных агломераций, в Уральском федеральном округе – сокращением производства в добывающих отраслях при умеренном росте производства в обрабатывающих и сервисных отраслях.

Таблица 1.1. Среднегодовые темпы прироста показателей экономического развития федеральных округов, %

Показатели	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
ВРП									
2017-2020 гг.	4,3	3,5	3,5	8,7	3,5	3,0	4,4	6,4	6,2
2021-2025 гг.	5,4	5,6	4,7	5,8	6,0	5,5	5,2	5,3	5,9
2026-2030 гг.	3,4	3,6	3,3	3,2	4,5	3,5	2,0	3,5	3,8
2017-2030 гг.	4,1	4,0	3,6	5,0	4,5	3,9	3,5	4,5	4,8
2030 к 2016	74,7	73,3	64,3	99,1	85,4	70,2	61,8	85,1	93,1
Промышленное производство									
2017-2020 гг.	4,2	4,6	3,4	8,8	3,6	2,6	3,4	5,7	4,7
2021-2025 гг.	6,3	7,7	5,6	6,9	7,0	6,1	5,1	5,5	5,3
2026-2030 гг.	3,8	4,7	3,7	4,1	5,5	4,0	2,0	3,5	3,4
2017-2030 гг.	4,5	5,4	4,1	5,8	5,2	4,1	3,3	4,4	4,1
2030 к 2016	85,3	109,5	74,7	119,8	103,1	76,3	56,8	83,4	75,0
Потребление домашних хозяйств									
2017-2020 гг.	2,1	1,2	1,2	6,2	1,2	0,7	2,1	4,0	3,8
2021-2025 гг.	2,4	2,5	1,7	2,7	2,9	2,5	2,1	2,2	2,9
2026-2030 гг.	1,7	1,8	1,6	1,5	2,8	1,8	0,3	1,8	2,1
2017-2030 гг.	1,9	1,8	1,4	2,8	2,3	1,7	1,3	2,3	2,6
2030 к 2016	30,2	28,4	21,7	47,5	37,3	26,1	19,9	37,0	43,0
Инвестиции в основной капитал									
2017-2020 гг.	10,9	9,5	9,6	14,1	8,8	9,1	11,3	13,3	13,7
2021-2025 гг.	8,2	8,5	7,4	7,6	7,7	8,0	8,2	8,2	9,3
2026-2030 гг.	3,7	4,1	3,8	3,1	4,4	3,8	2,7	4,1	4,6
2017-2030 гг.	6,5	6,5	6,0	6,8	6,2	6,1	6,2	7,1	7,8
2030 к 2016	142,1	141,7	127,2	150,4	131,6	129,3	133,1	162,8	186,6

Источник: расчеты ИНП РАН

В промышленности более высокие темпы предполагаются в регионах с преобладанием обрабатывающих производств, опережающими темпами будет расти промышленность Центрального и Южного федеральных округов. В восточных регионах страны высокая доля добычи полезных ископаемых будет оказывать существенное влияние на формирование невысоких темпов общепромышленной динамики (табл. 1.2).

Таблица 1.2. Среднегодовые темпы прироста производства в секторах экономики федеральных округов за период 2017-2030 гг., %

Секторы экономики	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Промышленное производство	4,5	5,4	4,1	5,8	5,2	4,1	3,3	4,4	4,1
Добыча полезных ископаемых	1,7	0,3	1,3	3,3	2,1	0,9	1,6	2,1	2,5
Обрабатывающие производства	5,6	5,5	5,1	6,7	6,5	5,2	5,4	6,2	7,8
Сельское хозяйство	3,0	3,2	2,8	3,6	3,0	2,3	2,5	2,9	3,5
Розничная торговля	1,5	1,4	1,1	2,3	1,8	1,3	0,9	1,8	2,1
Строительство	6,3	5,3	6,4	6,5	7,1	5,9	6,2	7,3	8,8

Источник: расчеты ИНП РАН

Результатом опережающего роста восточных регионов страны станет повышение доли Сибири и Дальнего Востока в производимом ВРП и промышленном производстве. В динамике пространственной структуры основных показателей будет отмечаться пространственная диверсификация роста за счет снижения степени доминирования Центрального и Уральского округов (табл. 1.3).

Суммарный прирост инвестиций в основной капитал за период 2017-2030 годов в целом по стране составит 2,4 раза, опережающими темпами инвестиции будут расти Дальневосточном, Сибирском, Южном федеральных округах, минимальный прирост инвестиций предполагается в Приволжском и Северо-Западном федеральных округах.

Предполагаемый прирост производительности труда в 2030 году по отношению к 2016 году составит 51,6%. Наиболее интенсивный рост производительности предполагается в Северо-Западном, Приволжском федеральных округах, развитие которых в долгосрочной перспективе будет происходить при наиболее жестких ограничениях по трудовым ресурсам. Высокие темпы роста производительности в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах обусловлены низким базовым уровнем показателя.

Уровень межрегиональной дифференциации среднедушевого ВРП снизится в связи с предполагаемыми более низкими темпами

Таблица 1.3. Территориальная структура показателей экономического развития федеральных округов, %

Показатели	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
ВРП									
2016 г.	100,0	36,7	10,1	6,4	2,3	15,7	13,0	10,4	5,3
2020 г.	100,0	35,5	9,8	7,6	2,2	14,9	13,1	11,3	5,6
2025 г.	100,0	35,7	9,5	7,7	2,3	15,0	12,9	11,2	5,8
2030 г.	100,0	36,1	9,5	7,6	2,4	15,1	12,1	11,3	5,9
Промышленное производство									
2016 г.	100,0	27,4	11,6	5,3	1,0	20,4	17,6	12,0	4,8
2020 г.	100,0	27,8	11,2	6,3	1,0	19,1	17,1	12,7	4,8
2025 г.	100,0	29,8	10,9	6,5	1,0	18,9	16,1	12,2	4,6
2030 г.	100,0	31,1	10,8	6,6	1,1	19,1	14,8	12,0	4,5
Потребление домашних хозяйств									
2016 г.	100,0	34,9	9,4	9,1	4,5	18,8	9,0	10,0	4,2
2020 г.	100,0	33,7	9,1	10,7	4,4	17,8	9,0	10,8	4,5
2025 г.	100,0	33,8	8,8	10,9	4,5	17,9	8,9	10,7	4,6
2030 г.	100,0	34,1	8,7	10,8	4,8	18,0	8,3	10,8	4,7
Инвестиции в основной капитал									
2016 г.	100,0	25,7	10,1	9,1	3,5	17,1	17,9	10,0	6,5
2020 г.	100,0	24,5	9,7	10,2	3,3	16,0	18,2	10,9	7,1
2025 г.	100,0	24,9	9,4	10,0	3,2	15,9	18,2	10,9	7,5
2030 г.	100,0	25,4	9,4	9,7	3,3	15,9	17,3	11,1	7,8

Источник: расчеты ИНП РАН

роста производства в наиболее богатых регионах. Разрыв между максимальным и минимальным среднедушевым ВРП к 2030 году составляет 3,8 раза, однако кардинальных изменений межрегиональных соотношений не происходит. Отрыв от средних по России среднедушевых показателей в наиболее отстающем федеральном округе – Северо-Кавказском – немного уменьшится, однако уровень дифференциации существенно не изменится. Среднедушевые показатели в регионах с относительно невысоким экономическим потенциалом будут расти темпами, превышающими средние по стране, однако этого окажется недостаточным для существенного изменения показателей межрегиональной дифференциации.

1.3. Социально-экономические предпосылки и условия перехода к активной структурно-инвестиционной политике

Структурно-инвестиционная политика, как составляющая часть региональной политики, не отрицает целесообразности сближения (выравнивания) удельных показателей производства, доходов и потребления в территориальном разрезе. Однако такое сближение, во-первых, не является самоцелью, во-вторых, может рассматриваться как задача, скорее, долгосрочной перспективы. В кратко- и среднесрочной перспективе более актуальными задачами являются:

- (1) эффективное использование и поддержка потенциала экономического роста в тех регионах, где он имеется; *и уже на этой основе:*
- (2) снижение экономических стимулов к избыточной миграции в столичные агломерации и прилегающие к ним территории и
- (3) создание условий для сокращения критичного оттока населения из стратегически важных регионов Востока и Севера.

Результатом структурно-инвестиционной политики в отношении групп регионов должна стать нормализация соотношений в цепочке: структура хозяйственной деятельности => структура занятости => уровень доходов => уровень жизни => структура расселения. Люди стремятся и будут стремиться жить там, где есть работа и достойный заработок, где наблюдается оживление и рост производства (прежде всего, промышленного), где есть возможность улучшения жилищных условий и на приемлемом уровне находится доступность социальных услуг. Без энергичного оживления роста в ряде традиционных промышленных регионов (Поволжье, Урал, Северо-запад, Южная Сибирь и др.) проблема гипертрофированной нагрузки на столичные агломерации (и, как следствие, примитивизации структуры их экономики) решена быть не может.

В то же время, настоятельно необходима коррекция целей и задач общей, единой для всех регионов социальной политики. Такая коррекция предполагает отказ от трех, как минимум, социально-экономических «мифов»: (1) Производительность труда растет медленнее, чем заработная плата и, следовательно, рост оплаты труда желательно ограничить; (2) Рост заработной платы не является значимой причиной роста издержек производства и, как следствие,

причиной роста цен; (3) Действующая пенсионная система не обеспечивает формирование пенсионного фонда в объеме, достаточном для пенсионных выплат, и *поэтому* пенсионный возраст необходимо незамедлительно увеличивать.

При рассуждениях о соотношении роста заработной платы и производительности труда следует иметь в виду, что доля зарплаты производственных рабочих (с чем, вообще говоря, только и должны сопоставляться показатели производительности труда) составляет менее половины от доли *всей* заработной платы в издержках производства. Из этого следует, что никакого «давления» на рост издержек увеличение зарплаты собственно промышленных рабочих не оказывает. Скорее надо говорить об избыточной доле управленческих расходов. На уровне экономики в целом эти данные отсутствуют, но по отдельным предприятиям картина примерно одинаковая.

Необходимо особо отметить отсутствие каких-либо подтверждений тому, что в настоящее время якобы высокая заработная плата является причиной высоких издержек и высоких темпов роста цен в рыночном секторе. Многие годы доля затрат на заработную плату остается постоянной в затратах на производство (14-16%, включая начисления). Это полностью согласуется с тем фактом, что индекс цен производителей был выше, чем индекс-дефлятор заработной платы (индекс потребительских цен), в течение многих лет. Так, индекс цен производителей к базе 2001 г. в 2014 г. был выше, чем индекс потребительских цен, в 1,44 раза, дефлятор ВВП – в 1,36 раза.

Знаковым является также и то, что в 2015 и 2016 гг. имел место рост цен производителей существенно *меньший, чем рост индекса потребительских цен*. Это просто может означать рост торговых и транспортных наценок в цене конечной реализации продукции, но, ни в коем случае, не влияние некоего «избыточного роста» оплаты труда на рост издержек.

По состоянию на ноябрь 2016 г. в экономике насчитывалось примерно 68 млн. занятых (по методологии баланса трудовых ресурсов), из них на крупных и средних предприятиях – 34 млн., на малых предприятиях (без микропредприятий) – примерно 5 млн., на микропредприятиях – примерно 6,5 млн., в сфере индивидуального предпринимательства – примерно 5,6 млн. В итоге 17,1 млн. занятых – а на самом деле порядка 20 млн. (так как большинство индивиду-

альных предпринимателей хотя бы частично работают в тени) – не платят взносов в Пенсионный фонд РФ. Либо следует признать, что статистика занятости имеет изъяны (хотя по обследованиям занятости численность занятых составила 73,2 млн.), либо государство не имеет перед этими лицами обязательств. Иными словами, увеличение пенсионного возраста в целях снижения дефицита Пенсионного фонда РФ – это в действительности псевдопроблема.

Возвращаясь к региональным аспектам формирования показателей уровня жизни населения, необходимо отметить следующее. Весьма распространенным является мнение о чрезвычайно высокой дифференциации уровней доходов и потребления населения в разрезе отдельных регионов РФ. Самый известный пример состоит в том, что уровень среднедушевых денежных доходов в г. Москва практически вдвое превышает уровень доходов по РФ в целом, а если говорить даже о регионах ЦФО, то для большинства из них разрыв с Москвой еще значительнее. В то же время сопоставление номинальных показателей доходов некорректно, т.к. регионы различаются по уровню цен. Кроме того, поскольку общий объем доходов рассчитывается через суммирование расходов, к этому добавляется еще и вопрос о факторах, формирующих отдельные виды расходов на региональном уровне.

Результаты расчетов показывают, что на всем протяжении 2000-х годов воспроизводится одна и та же ситуация – разброс показателей денежных доходов, с учетом межрегиональной дифференциации цен, значительно ниже, чем для номинальных значений доходов. В качестве конкретного примера можно привести сопоставление среднедушевых доходов г. Москвы и Тульской области. Уровень доходов населения Тульской области по отношению к Москве составлял в 2015 г. в номинальном выражении 43,9%, в то время как с учетом межрегиональной дифференциации цен 67,8%.

Точно такое же положение с показателями среднемесячной заработной платы. Что касается показателей пенсионного обеспечения, то, как уже сказано, они не учитывают пенсионеров силовых структур и доплаты к пенсиям из региональных бюджетов. В частности, если бы в г. Москве не было бы доплат из бюджета, средняя пенсия должна была бы составить немногим более 80% от среднероссийского уровня. Такое положение имело место на протяжении всех 2000-х годов.

Кроме того, объемы расходов домохозяйств на товары и услуги должны быть скорректированы исходя из того, что в ряде регионов (регионах - «донорах» денежных средств населения) его жители расходует значительную часть полученных денежных средств в других регионах (регионах - «реципиентах»), в которых может наблюдаться высокий уровень расходов на товары и услуги, не имеющий прямого отношения к доходам населения этих регионов. Расходование населением региона - «реципиента» денежных средств, заработанных в других регионах, отражается в повышенном уровне расходов на товары и услуги и расходов на покупку иностранной валюты. Однако этому противостоит отрицательный прирост рублевой наличности на руках у населения, соответствующий изъятию ее из обращения на данной территории. В структуре расходов населения региона - «донора» будет иметь место противоположное искажение – относительно низкий уровень расходов на товары и услуги при высоком уровне прироста рублевой наличности на руках. Поэтому региональные объемы расходов домохозяйств на товары и услуги должны быть скорректированы на сальдо прироста рублевой наличности на руках у населения и разности расходов на покупку иностранной валюты и доходов от ее продажи на данной территории.

Надо также иметь в виду, что, в связи со сказанным выше, в отчетных балансах денежных доходов и расходов в разрезе регионов оказывается перекошенной структура расходов в целом. Например, в балансе для г. Москвы из года в год имеется огромный объем покупок валюты, повышенный объем расходов на товары и услуги и отрицательный прирост рублевой наличности на руках у населения (расходы превышают доходы). Все это, естественно, не имеет отношения именно к населению Москвы.

Еще один важный аспект проблемы уровня жизни населения в регионах связан с *дифференциацией заработной платы занятых в одинаковых профессиях и ограничениями бюджетных расходов в социальной сфере*. Согласно майским указам Президента РФ в 2018 году средняя заработная плата, например, врачей должна составить 200% от средней по региону, а заработная плата среднего медицинского персонала – 100%. При разработке указанных нормативов, однако, не были учтены в должной мере значительные различия между регионами в исходных величинах заработной платы по экономике в целом и в здравоохранении (даже с учетом упомянутого выше раз-

личия в уровнях цен по регионам). При росте конкурентоспособности профессии врача и среднего медперсонала на региональных рынках труда достижение указанных нормативов неизбежно приведет к увеличению региональной дифференциации заработной платы лиц одноименных профессий, что, конечно, не может быть экономически обосновано.

Основным условием возобновления экономического роста в части социальной сферы и науки является отказ от политики ограничения бюджетных расходов в образовании, здравоохранении и науке, а также расходов государственной пенсионной системы, уже декларированных Правительством. Увеличение расходов на образование и здравоохранение создает, помимо краткосрочных, и долгосрочные предпосылки экономического роста, связанные с поддержанием роста человеческого капитала. Необходимое увеличение бюджетных расходов в реальном выражении на образование, здравоохранение и науку в ближайшие два года можно оценить минимум в 5% в год. Это предполагает и соответствующее увеличение уровня реальной заработной платы в этих секторах.

Данные меры предполагают сохранение хотя бы на нынешнем уровне доли бесплатного высшего образования и постепенное восстановление системы (или хотя бы основных ее элементов) бесплатного медицинского обслуживания и различных форм льгот в части цен на лекарства. В то же время, принципиальное значение имеет вопрос о регулировании торговых наценок, которые в данном сегменте рынка особенно высоки. Опыт экономически развитых стран свидетельствует о том, что в секторе здравоохранения и уровень расходов, и уровень занятости имеют устойчивую тенденцию к росту. Это объясняется несколькими причинами: ростом приоритета потребности в сохранении здоровья со стороны населения и общества в целом, старением населения, то есть увеличением численности более активных потребителей медицинских услуг, а также тем, что развитие новых медицинских технологий приводит не к сокращению, а к увеличению численности занятых в учреждениях здравоохранения. В секторе образования требуется относительно незначительный рост занятости, что связано с изменениями в демографической структуре населения.

Другим моментом, не только чисто экономическим, но и психологическим для населения, являются действия в области налоговой

политики. Следует вернуться к содержательной дискуссии о введении прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц. В качестве первого приближения можно говорить о предельной ставке в 30%, при этом налогом не должен облагаться заработок в пределах прожиточного минимума (заметим, что это крайне низкая предельная ставка по меркам стран Евросоюза и США). Кроме того, необходимо установить уровень стоимости имущества, с которого начинает взиматься налог на имущество (в частности, во Франции этот уровень составлял около 300 тыс. евро).

Некоторые оценки динамики доходов и расходов населения. Неблагоприятная динамика денежных доходов в последние годы была результатом специфического изменения объема и структуры расходов населения (а объем доходов определяется через расходы): в 2015 г. задолженность населения по кредитам снижалась, в то время как в 2016 г. она вновь выросла. Прирост задолженности по кредитам входит в объем денежных расходов со знаком «минус». Поэтому увеличение задолженности по кредитам ведет арифметически к снижению объема расходов.

Происходил прирост рублевых сбережений, вложений в ценные бумаги и рублевой наличности (а в 2015 г. прирост рублевой наличности был в значительном минусе). По итогам 2016 г. сумма приростов по этим статьям оказалась примерно такой же, как и в 2015 г. (3312 млрд. руб. по сравнению с 3245 млрд. руб.). При этом имело место снижение вкладов в иностранной валюте.

Изменения в структуре использования денежных доходов в целом произошли минимальные по сравнению с 2015 г. и они были обусловлены именно положительной динамикой задолженности населения по кредитам. В равной мере структура доходов также претерпела незначительные изменения.

В расчетах учитывалось, что динамика реальной заработной платы будет несколько выше динамики производительности труда, как это было в ретроспективе на протяжении многих (до 2014 г. включительно). Запроектированному росту конечного потребления домохозяйств соответствует более высокая динамика роста денежных доходов за счет возобновления устойчивого роста сбережений и роста покупок недвижимости. В то же время рост доходов будет сопровождаться и увеличением задолженности населения по кредитам, что при существующей схеме баланса денежных доходов и

расходов несколько снижает темпы роста доходов. В результате к концу прогнозного периода уровень среднемесячной оплаты труда составляет 187% к уровню 2016 г., а уровень денежных доходов в целом – 171%. При этом доля оплаты труда в денежных доходах населения составляет к концу прогнозного периода 43%, увеличиваясь примерно на 4,5 п.п. Доля расходов на товары и услуги снижается 4,5 п.п. и составляет 68,5%.

1.4. Основные меры по реализации региональной структурно-инвестиционной политики

Реализация региональной структурно-инвестиционной политики требует действий по следующим направлениям:

- обеспечение селективного характера региональной структурно-инвестиционной политики, выбор в качестве объектов для ее реализации регионов, в которых инвестиции могут дать наиболее ощутимый эффект в краткосрочной и среднесрочной перспективе;
- выбор и обеспечение в качестве приоритета структурно-инвестиционной политики не решения задачи выравнивания социально-экономических показателей регионов, а реализации конкретных инфраструктурных проектов, направленных на повышение транспортной и хозяйственной связности территорий, межрегиональную интеграцию и территориальную мобильность населения, а также повышение доступности услуг социальной инфраструктуры. Инвестиционными приоритетами в данном случае могут выступать: регионы с потенциалом эндогенного роста, стратегически приоритетные регионы, регионы, в которых реализуются крупные инвестиционные проекты;
- формирование в регионах собственных финансовых ресурсов для инвестирования для чего предлагается: а) поощрять экономически активные регионы, позволяя им дополнительно оставлять себе более высокую долю от прироста налоговых сборов на своей территории; б) позволить регионам в ряде случаев перенаправлять средства федеральной поддержки с решения социальных задач на решение инвестиционных; в) значительно увеличить масштаб финансирования федеральных программ и институтов, ориентирован-

ных на поддержку (целевые субсидии, софинансирование, гранты и т.д.) инвестиционной деятельности регионов.

- четкое определение и доведение до бизнес-структур, в том числе, госкорпораций и институтов развития, через которые осуществляется основной объем межрегиональных перераспределений инвестиционных ресурсов, приоритетов региональной структурно-инвестиционной политики, государственная поддержка и стимулирование их реализации бизнесом;

- использование для поддержки приоритетных объектов региональной структурно-инвестиционной политики существующих механизмов региональной политики, которые могут быть использованы для привлечения инвестиций на приоритетные территории (государственные программы, особые экономические зоны, территории опережающего роста, специальные инвестиционные контракты, другие формы создания преференций);

- развитие межрегионального сотрудничества, в том числе, инвестиционного; поддержка проектов межрегионального значения, стимулирование развития экономически интегрированных макрорегионов. Проекты межрегионального сотрудничества могут поддерживаться как в рамках государственных программ и ФАИП, так и через другие инструменты.

2. Пространственный разрез стратегии долгосрочного развития России

2.1. Проблемная ситуация в пространственном развитии России

Специфика России как самой крупной по территории и протяженности страны мира, с огромным межрегиональным разнообразием природно-ресурсных, этно-социальных, структурных, исторических, климатических условий и факторов развития, заключается в необходимости учета пространственных и региональных аспектов в любых национальных стратегиях и программах модернизации экономики и общества. С одной стороны, фактор пространства может или усилить действенность структурно-инвестиционной, инновационной или социальной политики государства, или же наоборот, затормозить их. С другой - в пространственном развитии России сформировался сложный и чрезвычайно болезненный клубок проблем, вызовов и угроз, решение которых в свою очередь требует осознанного государственного вмешательства как средствами региональной политики, так и использованием механизмов и инструментов структурно-инвестиционной, инновационной, социальной, природоохранной и национальной политик.

Уход государства из этой сферы с начала политических и экономических реформ постсоветской России, и переход к модели рыночной организации пространства через деятельность естественных монополий и крупных вертикально-интегрированных компаний, резко обострил ситуацию в пространственном развитии российского государства, которое стало крайне неоднородным, фрагментированным и моноцентричным. Здесь отчетливо проявились следующие диспропорции и проблемы, фактически превратившиеся в глобальные вызовы для страны:

1. В результате сильных центростремительных процессов произошли радикальные изменения в распределении доходов от экономической деятельности между непосредственными производителями и остальными ее участниками. Как показывают данные табл. 2.1, изменения в реальном размещении производительных сил,

Таблица 2.1. Пространственная структура основных макроэкономических показателей, %

Округа	Валовой региональный продукт							
	в текущих ценах				по индексам физического объема			
	1998	2008	2010	2015	1998	2008	2010	2015
ЦФО	28,17	37,38	35,67	34,86	28,17	31,54	29,84	29,62
СЗФО	10,69	9,99	10,46	10,42	10,69	10,90	11,11	11,29
ЮФО	5,98	5,90	6,20	7,04	5,98	6,49	6,53	6,84
СКФО	2,23	2,15	2,37	2,62	2,23	2,67	2,88	3,08
ПФО	19,10	15,70	15,16	15,22	19,10	17,44	17,52	18,03
УФО	14,02	14,20	13,58	13,78	14,02	13,44	13,59	12,95
СФО	13,41	10,15	10,96	10,36	13,41	12,12	12,50	12,44
ДВФО	6,40	4,53	5,60	5,71	6,40	5,40	6,03	5,73
	Промышленное производство							
	в текущих ценах				по индексам физического объема			
	1998	2008	2010	2015	1998	2008	2010	2015
ЦФО	20,95	26,94	26,10	28,74	20,95	26,17	25,66	25,36
СЗФО	11,33	10,62	12,38	11,95	11,33	11,86	11,71	10,60
ЮФО	5,03	5,23	5,00	5,31	5,03	5,99	5,66	6,59
СКФО	1,28	1,02	1,10	1,01	1,28	1,50	1,62	1,80
ПФО	24,40	21,26	20,11	18,95	24,40	21,08	21,74	21,87
УФО	17,23	20,44	19,00	17,96	17,23	15,00	14,31	12,93
СФО	14,07	11,20	12,10	11,34	14,07	12,34	12,47	13,39
ДВФО	5,71	3,29	4,21	4,74	5,71	6,06	6,83	7,47
	Население и занятые в экономике							
	численность населения				среднегодовая численность занятых			
	1998	2008	2010	2015	1998	2008	2010	2015
ЦФО	25,90	26,77	26,84	27,05	27,01	27,77	27,66	28,11
СЗФО	9,85	9,55	9,52	9,61	10,10	9,98	10,00	9,94
ЮФО	9,57	9,69	9,70	9,72	9,03	9,06	9,05	9,09
СКФО	5,75	6,44	6,55	6,71	4,10	4,73	4,90	5,16
ПФО	21,58	21,12	21,00	20,64	22,28	21,42	21,14	20,73
УФО	8,51	8,46	8,46	8,53	8,92	8,92	8,98	8,90
СФО	14,00	13,52	13,50	13,41	13,59	13,29	13,31	13,28
ДВФО	4,83	4,46	4,42	4,31	4,96	4,84	4,90	4,80

	Конечное потребление домохозяйств и инвестиции в основной капитал							
	конечное потребление				инвестиции			
	1998	2008	2010	2015	1998	2008	2010	2015
ЦФО	38,11	33,66	33,98	33,76	30,40	25,94	22,94	25,75
СЗФО	9,56	9,94	10,10	10,31	8,51	11,85	12,40	10,34
ЮФО	6,67	8,27	8,57	9,14	6,65	8,02	9,92	9,33
СКФО	2,45	3,97	4,61	5,21	2,24	2,96	3,42	3,42
ПФО	17,12	17,80	17,71	17,18	19,00	16,91	15,71	17,73
УФО	8,36	10,27	9,39	9,05	17,15	16,88	16,29	16,97
СФО	12,28	11,58	10,88	10,23	10,93	10,77	10,71	9,95
ДВФО	5,45	4,50	4,76	5,11	5,11	6,66	8,61	6,51

Источник: расчеты ИЭОПП СОРАН

оцениваемые по индексам физического объема, намного менее значительны, чем изменения, регистрируемые по динамике номинальных показателей. Наиболее показательна в этом плане российская столица, доля которой в суммарном ВРП страны к 2008 г. возросла до 24,3% против 9,7% в 1995 г. без адекватных изменений в реальном производстве. В то же время огромные сельские и нестоличные территории России теряют население, в них отсутствуют стимулы и перспективы роста, они превратились в пространства глубокой экономической и социальной депрессии.

Проблема «процветающие мегаполисы - загнивающая глубинка и периферия» приобрела значимость одной из сильнейших социально-этических проблем современной России. Произошедшие изменения в пространственной структуре экономики – в значительной степени результат сформировавшихся огромных межотраслевых, межпрофессиональных, междолжностных различий в доходах, которые и обусловили деградацию многих периферийных регионов, теряющих население и не имеющих в сложившихся условиях перспектив роста. Это одна из важнейших социально-этических проблем современной России.

2. Усилия СССР по развитию восточных и северных регионов страны оказались в определенной степени «отыгранными» назад. «Восточный вектор» развития в существенной степени был заменен на «Центральный» и «Юго-Западный» (поддержка северокавказских республик). Было прекращено дотационное финансирование

отдельных отраслей в северных и восточных регионах с повышенными издержками производства и высокими затратами на обеспечение жизни и деятельности населения. Оказались почти полностью утраченными былые преимущества в уровне средней заработной платы. Так, в Сибирском федеральном округе не осталось ни одного субъекта федерации, где реальная заработная плата превышала бы средний по России уровень. За последние 15 лет сильно сократилось превышение средней заработной платы и во многих других регионах, особенно в регионах с экстремальными природно-климатическими условиями – в Якутии, на Камчатке, в Чукотском АО, Республике Коми, Мурманской области и т.п.

3. Существенное усилились межрегиональные диспаритеты и межрегиональные различия по уровням социально-экономического развития регионов России. В 2015 году душевое производство ВРП различалось по субъектам федерации в 54 раза (Ненецкий автономный округ к г. Севастополю)⁴. Имеются колоссальные различия между российскими регионами по основным показателям уровня и качества жизни, по характеристикам инновационной деятельности, «цифрового неравенства». Так, межрегиональные различия по числу разработанных передовых производственных технологий, численности предприятий, осуществляющих инновации, доле инновационных товаров в отгруженной продукции и т.д. составляют десятки раз. Специфика России заключается не в самом факте наличия межрегиональных неравенств (это свойственно многим странам мира), а в том, что, во-первых, они являются чрезмерными, нехарактерными для высокоразвитых государств и, во-вторых, в отсутствии сильной государственной политики по их преодолению, в неготовности государства признать это приоритетной стратегической задачей⁵. Теряя технологическое лидерство, Россия приобрела сомнительный приоритет по степени межрегиональных и социальных неравенств и диспаритетов. Подтверждением этого служат не

⁴ При элиминировании двух крайних показателей и расчете без выделения автономных округов разрыв сокращается до 15 раз (Тюменская область к Республике Ингушетия).

⁵ Так, в КНР региональная политика поляризованного развития в последние 10 лет сменилась на политику выравнивания уровней социально-экономического развития регионов. Используя крупномасштабные государственные программы (например, Программы модернизации старопромышленной базы Северо-Востока Китая) удалось существенно сократить отставание северных в северо-восточных территорий (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Синьцзян-Уйгурский автономный регион и др.).

только данные официальной статистики по производственным характеристикам развития регионов, но и межстрановые сопоставления о доле богатства страны, приходящейся на узкий круг олигархов и мультимиллионеров, о соотношении окладов топ-менеджеров госкорпораций или депутатов национального парламента по сравнению со средними по стране и т.д.

4. Тридцатилетний период деиндустриализации России был четко спроецирован на российское пространство. Потеряли бывшие преимущества и оказались на грани выживания многие промышленные анклавы, специализировавшиеся в советский период на производстве продукции для обороны и безопасности страны или имевшие моноспециализацию (ЗАТО, моногорода и т.д.). Ярким примером является деградация значительной части территории Красноярского края.

5. В постсоветский период «связность» российского экономического, социального и культурного пространства не улучшилась, что явилось следствием слабого развития инфраструктуры (в первую очередь, транспортной) и сильной концентрации банковско-финансовой инфраструктуры и инфраструктуры телекоммуникаций в столицах. Это сопровождалось традиционно слабой мобильностью российского населения, что затрудняло эффективное решение ряда производственных проблем или реализацию инвестиционных проектов.

6. Крупные инвестиционные проекты в регионах, реализация которых более активно началась с выходом страны из экономического коллапса в начале 2000 - годов, либо являлись исключительно проектами крупного бизнеса и не учитывали интересы конкретных территорий (в частности, их экологическую безопасность), либо относились к числу т.н. «имиджевых» (инфраструктура Олимпиады в Сочи, Универсиады в Казани, чемпионата мира по футболу, проведения саммита АТЭС во Владивостоке и т.д.), имеющих слабое отношение к модернизации пространственной структуры российской экономики и общества.

7. Не наблюдалось заметных подвижек в совершенствовании системы отношений «центр-регионы» (в частности - межбюджетных отношений) и институциональных основ и структур государственной региональной политики. Существующая десятилетиями практика налогообложения по месту регистрации головных офисов компаний искусственно завышает показатели эконо-

мической активности московской и Санкт-Петербургской агломераций и их доходную базу, и естественно, существенно занижают показатели регионов концентрации основного производства. Пока незаметна отдача от создания территорий опережающего развития на Дальнем Востоке или особых экономических зон с льготным режимом налогообложения, открытыми портами и т.п. Этот инструмент приемлем лишь для относительно небольших территорий и представляет собой механизм косвенного перераспределения части общих результатов в пользу привилегированных территорий.

В последние годы наметился некоторый прогресс в части осознания и необходимости решения отмеченных проблем. Стратегия пространственного развития России включена в число основных документов государственного стратегического планирования и в настоящее время ведется ее разработка. Принят Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Тем не менее, вопросы государственного регулирования пространственного развития России должны найти отражение и в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, где должны быть артикулированы основные концептуальные положения Стратегии пространственного развития, пространственные приоритеты и возможные сценарии развития страны на длительную перспективу с учетом различных гипотез изменения пространственных факторов и условий.

2.2. Концептуальные положения стратегических направлений пространственного развития России

В соответствии с утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13 «Основами государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 год»⁶, результатами политики должны стать:

а) сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан Российской Федерации, проживающих в различных регионах, а также в городах и сельской местности;

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13 «Основами государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 год». <http://pravo.gov.ru/laws/acts/4/4951.html> (дата обращения 14.07.2017)

б) сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов;

в) достижение необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех населенных территорий Российской Федерации;

г) дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках;

д) повышение уровня удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Конкретная реализация этих направлений региональной политики должна исходить из того, что Россия - самая большая страна в мире с относительно низкой плотностью населения, огромными запасами природных ресурсов, расположенная значительной своей частью в суровых природно-климатических условиях и занимающая достаточно выгодное географическое положение. Ее пространство составляет уникальное конкурентное преимущество. Освоение этого пространства может и должно явиться стимулом и фактором мощного экономического роста, основанного на современных достижениях научно-технологического прогресса. Для этого необходимы коренные институциональные преобразования, стимулирующие экономический рост инновационного характера и экономически целесообразное освоение новых территорий; обеспечивающие распределение результатов экономической деятельности в соответствии с осуществленными на разных территориях затратами; создающие для людей, живущих на разных территориях, равные возможности для реализации своего потенциала и своих устремлений.

Таким образом, стержневой идеей государственного регулирования пространственного развития России должно стать осознание факта, что *самое большое в мире пространство - это не бремя, но колоссальное стратегическое конкурентное преимущество российского государства*. Это преимущество должно особенно проявиться в долгосрочной перспективе, но сейчас важно не допустить «сжатия» экономического пространства России и обезлюдения ее территорий, поскольку: а) для восполнения этих потерь в будущем потребуются несоизмеримо большие средства и усилия, чем на «удержание» этого

пространства сегодня и б) «на земли без народа придут народы без земли» - таково народное понимание сути этой проблемы. «Удержание» и развитие российского пространства должно стать важнейшим геополитическим, экономическим и оборонным императивом России и приоритетным направлениям принятия важнейших стратегических решений.

Однако это потребует смещения центра тяжести в идеологии и практике государственного управления. Здесь должны быть реализованы следующие принципы, постулаты и направления:

- вопросы управления пространственным развитием России должны стать приоритетными в системе государственного управления и реализации национальных стратегических инициатив. Пространственный разрез должен стать одним из главных во всех основных документах стратегического планирования на федеральном уровне (в том числе - в Стратегии научно-технологического развития, в отраслевых стратегиях, в перспективных планах госкорпораций и крупнейших компаний), а также в системе управленческих политик национального, межрегионального и регионального уровней - структурно-инвестиционной, социальной, инновационной и др.;

- региональная политика России должна сочетать реализацию модели «государственного удержания» пространства с моделью его рыночной организации, но не допускать превалирования последней, которая ориентирована на организацию поляризованного развития страны и ее территорий;

- «имиджевые» проекты развития территорий и политизированные решения поддержки отдельных субъектов Федерации и городов должны быть заменены на селекцию, поддержку и реализацию крупных проектов, формирующих новую экономику регионов и инновационное развитие экономики (в том числе ее сырьевого сегмента). Приоритет должны получить эффективные региональные программы реиндустриализации, построенные на принципах государственно-частного и федерально-регионального партнерства. Поскольку особую значимость в превращении российского пространства из «бремени» в сильное конкурентное преимущество страны будет иметь решение проблем усиления «связности» российских территорий, приоритет должен быть отдан проектам коренной модернизации транспортной, телекоммуникационной, культурной и финансовой межрегиональной и региональной инфраструктуры;

- в России необходимо осуществить постепенный переход от модели «конкурентного федерализма» к модели «федерализма сотрудничества». Гипертрофированная сегодня конкуренция регионов за федеральные ресурсы и внимание федеральной власти существенно ослабляет возможности реализации межрегиональных проектов и стратегических инициатив. Межрегиональная интеграция должна стать важнейшим приоритетом и направлением будущего пространственного развития.

2.3. Стратегические приоритеты пространственного развития России

Будущая конфигурация экономического пространства России будет формироваться как путем реализации современных и перспективных геополитических и экономических интересов государства, так и новых тенденций, вызовов и угроз, которые могут серьезно изменить векторы и драйверы развития тех или иных макрорегионов страны. Так, в долгосрочной перспективе имеется существенный риск значительного сокращения российского экспорта ископаемого топлива (нефть, нефтепродукты, газ, уголь) вследствие обязательного выполнения странами мира Парижского соглашения, регулирующего меры по снижению углекислого газа в атмосфере. Будет происходить дальнейшая диверсификация энергетической базы развития в мире и в отдельных странах, следствием чего будет их переход на новые энергосберегающие технологии. Это может оказать серьезное влияние на реализацию крупных российских проектов по поставкам топливно-энергетических ресурсов, на которые «завязаны» интересы не только крупнейших российских компаний, но и крупных территорий востока и севера России.

С другой стороны, возможно существенное усиление конкурентных позиций России и ее крупных территорий (в первую очередь - Сибири и Дальнего Востока) в условиях нарастающего мирового дефицита водных ресурсов и ресурсов продовольствия - последнее в огромной степени определяется потенциальными ресурсами свободных сельскохозяйственных угодий. Эти новые тенденции могут заметно воздействовать на новое позиционирование макрорегионов России.

В долгосрочной перспективе Россия и ее макрорегионы, как и другие страны мира, также будет вынуждена перейти на новые концепции развития регионов и городов, аккумулирующие результаты научно-технической революции и повышение значимости комфортной среды проживания (концепции «зеленого города», «умного города» и др.). Очень интенсивное движение в этом направлении демонстрирует Китай, что оказывает влияние и на изменение направлений региональной, расселенческой и градостроительной политики страны.

Зоны приоритетных геополитических интересов России, скорее всего, будут оставаться прежними: это Арктика, Калининградская и Сахалинская области, республика Крым. Следует ожидать сокращения значимости приоритета развития республик Северного Кавказа.

В «восточном векторе» развития страны следует переместить акцент только от развития дальневосточных территорий на развитие Сибири. Так, особое внимание государства следует обратить на целесообразность и возможность формирования в южно-центральной части Сибири нового центра экономической активности России, в котором относительно минимизированы политические, социальные, экологические, демографические и этнические риски. Этот мезорегион может принять на себя функции центра инновационных производств востока России, а также драйвера ее взаимодействия со странами Центральной Азии.

При любых сценариях будущего развития России основа ее экономического роста будет опираться на новый этап развития минерально-сырьевого комплекса Сибири и Дальнего Востока, но в принципиально новом формате - инновационно-ориентированной стратегии освоения этих ресурсов.

Освоение Севера и Арктики России должно опираться на новую арктическую политику и учитывать, что:

- новая северная и арктическая доктрина и политика России должны быть «многомерными». Пока они, в лучшем случае, двухмерны и ориентированы в основном на проблемы национальной безопасности и освоения ресурсов;
- в условиях резко усиливающихся в последнее время требований об ответственности стран арктического бассейна за недопущение вредных выбросов в океан и в атмосферу, должны быть пересмотрены экологические стандарты функционирования крупных российских предприятий и производств в циркумполярной зоне;

- важнейшим требованием к северной и арктической политике России должна быть ее интеграционность по вектору «Север-Юг», т.е. экономическая, социальная, инфраструктурная, научно-инновационная, рекреационная межрегиональная интеграция.

Должна быть переоценена интерпретация и трактовка безопасности в арктической зоне. Именно по причинам растущих природных и социальных рисков и неопределенности в арктической зоне мира безопасность в Арктике все меньше становится делом только военных. В возрастающей степени она увязывается с экономической деятельностью, природно-климатической динамикой и интересами основных арктических игроков, в том числе в обеспечении собственной и глобальной энергетической безопасности. Поэтому требуется учет новых драйверов развития глобальной Арктики: климатических изменений; возрастающей экономической активности в высоких широтах (прежде всего в морской Арктике); процессов глобализации.

Будущее экономическое пространство России будет в существенной степени определяться возможностью реализации на ее территории крупных инвестиционных проектов и программ. На рисунке 1 в разрезе трех макрозон страны представлены наиболее крупные проекты, реализуемые в настоящее время, в среднесрочной и более отдаленной перспективе. Среди трех отдельно выделенных здесь мегапроектов наиболее успешно реализуемым следует признать мегапроект восстановления потенциала оборонно-промышленного комплекса, пространственная структура которого почти не отличается от той, которая имела место в советские времена.

ОПК достаточно хорошо диверсифицирован в пространственном разрезе, но наибольшая концентрация производств имеет место в европейской части страны, она же, по-видимому, будет иметь приоритеты в дальнейшем развитии в части создания новых производств, необходимость в которых появляется в связи с прекращением сотрудничества в военно-промышленной сфере с Украиной.

Агропромышленный комплекс страны пока продолжает смещаться в юго-западном направлении. В растениеводстве – вследствие значительных изменений в структуре производства в пользу более теплолюбивых культур и усиления экспортной направленности, где доминирует озимая пшеница, для производства которой климат восточных регионов малопригоден. В животноводстве – вследствие

того, что весь рост его продукции происходит за счет птицеводства и свиноводства, не требующих пастбищ и сенокосов и тяготеющих к местам концентрации потребителей. Тем не менее, и сельское хозяйство восточных регионов уже длительное время непрерывно наращивает производство мяса (с 2007 г.), производство яиц почти монотонно растет уже с 2000 г. Растениеводство восточных регионов сильно проигрывает по урожайности, но его продукция более экологична – объемы вносимых минеральных удобрений в расчете на гектар здесь в разы меньше, чем на юго-западе страны, и по себестоимости она конкурентоспособна с производимой в регионах с более теплым климатом. Отдаленные перспективы развития агропромышленного комплекса Сибири и Дальнего Востока напрямую зависят от динамики цен на сельхозпродукцию – наличных резервных мощностей в части потенциальных пахотных земель, пастбищ и сенокосов здесь намного больше, чем в юго-западных районах.

Третий мегапроект – дальнейшее развитие минерально-сырьевого сектора и производств по переработке сырья и топлива – в настоящее время наиболее интенсивно реализуется в регионах Сибири и Дальнего Востока. С начала текущего века здесь на порядок и более возросли объемы добычи нефти и газа, в 1,7 раза – добыча угля, осваиваются новые рудные месторождения, только в восточных регионах продолжалось строительство крупных объектов гидроэнергетики, развивается сеть крупных магистральных нефтепроводов и газопроводов, до предела стали загруженными Транссиб и БАМ, объемы перевалки грузов через дальневосточные порты намного превысили показатели советского периода, модернизируется транспортная сеть.

Но, в отличие от советского периода, современные методы освоения природных богатств не обеспечивают параллельного развития диверсифицированной экономики и заметного повышения общего уровня занятости населения. Другое существенное отличие от прежних времен – почти исключительно экспортная ориентация всех этих новых производств. Это повышает риски от возможных колебаний внешнеэкономической конъюнктуры в части доходов от экспорта, но, с другой стороны, для таких производств нет спросовых ограничений – вследствие крайне низкой доли текущих материальных затрат в цене реализации положительная величина добавленной стоимости гарантирована и при очень сильных падениях этой цены.

Более значимый минус экспортной ориентации – очень слабые возможности развития глубокой переработки топлива и сырья. Главные торговые партнеры России всегда будут предпочитать покупать сырье и полуфабрикаты, а не продукты высоких переделов.

2.4. Возможные сценарии пространственного развития

В Концепции Стратегии пространственного развития России, разработанной Минэкономразвития РФ, предложены три сценария пространственного роста.

Консервативный сценарий предполагает в долгосрочной перспективе пролонгацию характерных для предшествующего периода тенденций пространственного развития – фактически дальнейшего неуправляемого сжатия пространства - концентрации населения в центре страны, в наиболее благополучных регионах и городах, роста поляризации между растущими и депрессивными регионами, сохранения современных составов лидеров и аутсайдеров в условиях отсутствия новых стимулов для развития регионов; консервации пропорций в распределении экономической активности между западной и восточной частями страны.

Сценарий конкурентного роста основывается на модели поляризованного развития, предполагает высокий уровень открытости российской экономики, когда на пространственное распределение экономической активности и специализацию регионов существенное влияние оказывают глобальные тренды. Оптимизация пространственного распределения населения и производства будет происходить при этом путем управляемого сжатия (или концентрации) вокруг очагов экономического роста на основе повышения мобильности факторов производства и стимулирования их концентрации в наиболее конкурентоспособных регионах. Новая каркасная структура пространственной организации страны сформируется на основе регионов – лидеров, а также крупных агломераций, связанных развитой системой транспортных коммуникаций. Понижающее влияние на темпы роста в рамках данного сценария будет оказывать необходимость масштабной и долговременной государственной поддержки стареющего и маломобильного населения, сохранения

социальной инфраструктуры в периферийных депрессивных регионах, не имеющих источников для развития.

Сценарий *диверсифицированного пространственного роста* исходит из предположений, что каждый регион уникален с точки зрения не только его экономики, но и человеческого потенциала, экологии, культуры. Тем самым пространство как специфическая система социально-экономических отношений, сформированных в регионе, само становится фактором экономического роста, и значение для роста имеют не только регионы-лидеры. Задача государственного регулирования состоит в стимулировании реализации недоиспользуемого потенциала всех регионов, формировании их материального и нематериального капитала, инновационных практик бизнеса и управления. Сценарий предполагает, что пространственное развитие определяется ростом, основанным на внутренних (эндогенных) источниках для каждого региона, а также на эффективном использовании потенциала их межрегиональных взаимодействий. «Удержание» (или предотвращение сжатия) экономического пространства обеспечивается путем экономически эффективного поддержания жизнедеятельности уже освоенных территорий, своевременной санации территорий, утративших потенциал роста. Пространственный каркас развития страны будет образован крупными пространственными структурами - глобально конкурентоспособными макрорегионами. Поиск источников роста, определение приоритетов развития и механизмов их реализации должны выступать целями формирования стратегий развития соответствующих территорий.

Эти сценарии учитывались при обосновании и моделировании перспективной пространственной структуры России. В идейном плане приоритет должен быть отдан *сценарию диверсифицированного пространственного роста*. Именно в рамках его предпосылок возможна как реализация концепции сокращения чрезмерной межрегиональной асимметрии российского пространства, так и мобилизация новых моделей регионального развития, решение проблемы «удержания» российского пространства, недопущение потери в нем северных и восточных районов страны.

При оценке перспектив изменения пространственной структуры экономики России учитывалась возможная корректировка отношений между Центром (московской и Санкт-Петербургской агломераци-

ями) и периферией (остальной частью страны) в части учета итогов экономической деятельности и дальнейшего распределения получаемых доходов. Предполагалось, что Центр почти исчерпал свои возможности концентрации доходов в столичных городах и теперь заинтересован в развитии периферийных экономик намного более, чем ранее. В части развития отраслей реального сектора экономики Центр не имеет никаких перспектив опережающего развития в силу ограниченности территории и по экологическим соображениям.

При построении обобщающего сценария пространственного развития России принималось во внимание, что важнейший фактор, определяющий региональную экономическую динамику – это динамика платежеспособного спроса на ее товары и услуги. Среди трех ее важнейших составляющих – спрос внешнего рынка, спрос со стороны рынков других регионов и спрос на региональном рынке, прежде всего со стороны населения – последняя является решающей, поскольку именно ее динамика способствует развитию диверсифицированной многоотраслевой экономики.

В таблице 2.2 в разрезе федеральных округов представлены результаты пространственной разверстки базового варианта долгосрочного прогноза Минэкономразвития РФ, адаптированного к более высоким показателям экономической динамики, рассчитанным в ИНП РАН. Ключевые параметры – прогнозные показатели пространственной структуры конечного потребления – являются экзогенными, остальные макропоказатели – расчетными на основе сбалансированных прогнозных региональных показателей в отраслевом разрезе. В целом этот сценарий по исходным предпосылкам и направленности близок к сценарию диверсифицированного пространственного роста, рассматриваемому в Концепции Стратегии пространственного развития России.

Данный прогноз не предполагает каких-либо серьезных изменений в рыночной модели экономики страны, способных привести к заметным изменениям ее пространственной структуры. Она определяется долговременными объективными тенденциями с поправками на завершение той коррекции, которая была обусловлена переходом на рыночную идеологию создания и развития новых производств, а также продолжением региональной политики, направленной на постепенное сокращение межрегиональных различий в уровнях экономического развития.

Серьезных сдвигов пространственной структуры в этом сценарии не предвидится, хотя и предполагается незначительное увеличение доли Сибири и Дальнего Востока, а также Юга и Северо-запада европейской части страны.

Таблица 2.2. Прогнозные среднегодовые показатели экономики федеральных округов на период до 2035 г.*

	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
ВРП	103,7	103,6	103,8	104,0	104,4	103,6	102,9	103,9	104,0
Конечное потребление	102,6	102,5	102,7	103,0	103,3	102,6	102,6	102,7	102,9
Инвестиции	105,7	105,2	106,1	104,9	107,1	105,5	105,4	106,6	107,1
Строительство	104,2	103,7	103,8	103,6	105,3	103,9	104,4	105,1	106,0

*первый столбец - расчеты ИНП РАН, остальные - расчеты ИЭОПП СО РАН

В конечном счете, к реализации должен быть рекомендован целевой сценарий комплексного характера, в котором найдут сочетание «опорные» сценарии, в том числе:

1) Два альтернативных сценария «Рост – пространство». В первом из этих сценариев реализуется политика макроэкономического роста без учета проблем регионального развития, т.е. пространство выступает исключительно фактором роста: активно растут наиболее эффективные регионы – «полюса» роста в ущерб другим территориям. Достигаются максимально возможные темпы роста страны в целом, но неоднородность пространства, риск его раскола возрастает. Второй сценарий ориентирован на развитие пространства, и рост как таковой выступает фактором такого развития. Сценарии пространственного развития, лежащие в этой плоскости, близки по содержанию к сценариям, представленным в Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года»: «поляризованного» и «диверсифицированного» пространственного роста, но имеют более прикладную направленность.

2) «Межрегиональные экономические отношения». Здесь два имеются опорных сценария: «Эквивалентный» и «Взаимовыгодный» межрегиональный обмен. Так, расчеты показывают, что Рос-

сия пока далека от эквивалентного межрегионального обмена (на уровне федеральных округов - см. раздел 2.6).

3) «Внешнеэкономические связи». В этой плоскости можно выделить различные сценарии, имитирующие возможные приоритетные направления внешнеэкономических отношений России. Эти сценарии следует рассматривать в связи с развитием трансконтинентальных транспортных коридоров (СМП, Транссиб, «Новый шелковый путь» в его различных вариантах и т.д.).

4) Сценарии, отражающие влияние различных мегапроектов на пространственные развития России.

2.5. Механизмы реализации и институциональные условия реализации Стратегии пространственного развития России

Стратегические направления совершенствования пространственной структуры России во взаимосвязи с региональной, структурно-инвестиционной, социальной и инновационной политиками должны реализовываться на базе разработки и реализации специальных федеральных, региональных и корпоративных программ и инвестиционных и социальных проектов. Это потребует институциональных изменений, корректировки нормативно-правовой базы и формирования особых органов и структур управления. Институциональные условия, обеспечивающие реализацию пространственного разреза стратегии роста социально-экономического развития России концентрируются в основном в общеэкономическом, бюджетно-финансовом, социально-демографическом, расселенческом, инновационном и природо - недропользовательском направлениях.

Общеэкономические и бюджетно-финансовые механизмы и условия. Здесь в первую очередь требуется:

- осуществить маневр в системе отношений «Центр-регионы» и в межбюджетных отношениях, ощутимо увеличить долю регионального и, особенно, муниципального уровня в бюджетных доходах;
- обеспечить переход на модель уплаты налогов за производственную деятельность по месту (субъекту Федерации, муниципалитету) ее осуществления. Это потребует также решения проблем участия компаний и физических лиц в оффшорах; совершенствова-

ния системы экспортных пошлин и пропорций их распределения в федеральный и региональный бюджеты; проблем внутрикорпоративных трансфертных цен;

- более активно и эффективно стимулировать в регионах развитие малого и среднего бизнеса (не только наукоемкого или обслуживающего крупные компании, но и нацеленного на развитие городской и сельской среды обитания человека), привлекая для этого не только региональные, но и федеральные специальные программы, фонды и институты развития. Особое внимание следует уделить программам реализации новых «точек роста» на депрессивных территориях и территориях нового освоения, для чего следует ввести особую систему поддержки в них малого и среднего бизнеса и инновационных стартапов;

- обеспечить разработку и реализацию социально-экономических нормативов (социальных стандартов), минимальный уровень которых по всей территории страны должен поддерживаться федеральным бюджетом;

- сформировать систему межрегиональных агентств (корпораций) экономического развития, основой деятельности которых должно быть инициирование, проектно-аналитическое сопровождение и инвестиционно-финансовая поддержка межрегиональных инвестиционных проектов и стратегических инициатив. Это требует формирования новой нормативно-законодательной базы для осуществления межрегиональных и межмуниципальных проектов;

- совершенствование нормативно-законодательной базы государственно-частного партнерства при реализации крупных инвестиционных проектов, особенно, в области транспорта и энергетики.

Социально-демографические и расселенческие механизмы и условия. Акцент должен быть перенесен на разработку эффективной политики мобилизации рабочей силы *по конкретным направлениям* развития экономики регионов, отраслей и кластеров производств. Речь должна идти о рациональном распределении рабочей силы и населения на территории страны с учетом экономических, социальных и политических (реализация политики национальной безопасности страны) факторов, условий и вызовов. Такая политика должна сочетаться с политикой закрепления постоянного и привлечения нового населения на стратегически важные для обеспечения национальной безопасности территории страны, в том числе в при-

граничные. Требуется разработка комплекса мер, направленных на развитие экономической деятельности и инфраструктуры в приграничных территориях, чтобы приостановить процесс обезлюдения и деградации их экономической активности (особенно остро это проявляется в западно- и восточно-сибирском приграничье), создать в этих районах социальную базу для саморазвития и извлечения экономических выгод от приграничного положения. В Европе приграничные территории являются эпицентром экономического роста и опорой межстрановых взаимодействий; в России - это синоним периферийности и отсталости.

Особого внимания требуют вопросы регулирования миграционной политики. Негативные последствия привлечения трудовых мигрантов в Россию из ближнего зарубежья являются следствием отсутствия внятной государственной политики содействия мобильности рабочей силы внутри страны. Эти два вида политики мобильности должны дополнять друг друга и содействовать пространственному развитию российской экономики.

Признавая, что крупные города являются местом сосредоточения ресурсов развития, динамичных секторов экономики, инновационных и культурных центров и осознавая неизбежность дальнейшей урбанизации российского пространства, следует иметь в виду, что крупные города (особенно мегаполисы) становятся также сосредоточием социального и экономического неравенства населения, что представляет серьезный вызов для органов власти в плане регулирования вопросов социального напряжения и политической активности.

При оценке перспективных сценариев развития урбанизационных процессов в разрезе западных и восточных зон России, следует принимать во внимание мировую тенденцию: несмотря на рост мегаполисов, в большинстве высокоразвитых государств стала проявляться тенденция возвращения людей в малые города, которые стали оказывать сильное влияние на устойчивое развитие этих стран. Применительно к России развитие в ее расселенческой системе не только мегаполисов, но и малых городов и сельских поселений должно не только сохранить многообразие привязанных к типу поселения стилей жизни с их преимуществами, но и опорную сеть поселений на огромной территории Российской Федерации.

Рациональное природо- и недропользование в контексте совершенствования пространственного развития России. Это на-

правление будет оказывать ключевое влияние на развитие северных и восточных территорий Российской Федерации, поскольку серьезным негативным фактором, определяющим рост издержек в экономике Сибири и Дальнего Востока, является неадекватная организационная и институциональная структура экономики в целом и ее минерально-сырьевого сектора, для которой характерно:

- нарастание монополизма – концентрация основного оборота минерально-сырьевых ресурсов в крупных вертикально-интегрированных компаниях, что делает непрозрачной систему ценообразования и приводит к неоправданно высоким «монопольным» ценам;
- снижение конкурентности – ограничение доступа зарубежных компаний к разведке, разработке и переработке природных ресурсов (выдача лицензий без объявления конкурсов и др.); ограничение возможностей мелких и средних компаний для использования транспортной и трубопроводной инфраструктуры; сложности в получении лицензий на геологоразведку и др.;
- низкая востребованность современных научно-технических и организационных инноваций, ориентация на покупку «готовых технологических решений» – технологий, оборудования, сервиса и др.

В результате происходит исключение наиболее динамичной части минерально-сырьевого сектора Востока России из современных инновационных процессов.

Поэтому важнейшей задачей является формирование устойчивого «ядра» взаимосвязи минерально-сырьевого сектора, научно-исследовательской и производственно-технологической сфер на федеральном, межрегиональном и региональном уровнях. Его основой может быть пакет договорных условий освоения и разработки участков недр (месторождений/объектов), содержащих полезные ископаемые. Требования и условия реализации проектов, разработанные научным и технологическим сообществом, должны служить неотъемлемой частью лицензии или контракта на право пользования участками недр. Расчет только на соглашения и программы поддержки производства отечественного оборудования не обеспечит желаемый эффект. Необходимы изменения и дополнения в законодательство о недрах и в процедуры мониторинга и контроля процессов освоения участков недр.

Только при таких условиях минерально-сырьевой сектор Востока и Севера России имеет все основания выполнять роль интегра-

тора широкого комплекса процессов экономического, технологического и социального развития для экономики страны в целом.

Современная практика стран-лидеров показывает, что политика эффективного недропользования создает возможности для:

- расширения международного сотрудничества, диверсификации источников инвестиций (важно преодолеть ориентацию на одного торгового и инвестиционного партнера в лице Китая); для этого необходимо развивать экономическое сотрудничество, прежде всего, в рамках Северно-Восточной Азии (с Японией, Китаем, Республикой Корея), а также со странами, расположенными южнее и западнее - Индией, Сингапуром, Малайзией, Австралией и др.;
- локализации деятельности ресурсодобывающих компаний на территории регионов, включая закупки товаров и услуг у местных производителей; подготовку кадров и предоставление рабочих мест для жителей соответствующих регионов; создание региональных исследовательских и инжиниринговых лабораторий совместно с региональными университетами и научными центрами;
- включения в процесс создания и реализации социальной ценности минерально-сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока России коренных народов - от отдельных муниципалитетов до организаций, реально представляющих их экономические интересы;
- создания условий для формирования новой системы межрегиональных кооперационных связей, начиная от регионов реализации проектов и до стран-лидеров в производстве наукоемкого высокотехнологичного и уникального оборудования;
- уменьшения масштабов негативных экологических последствий добычи ископаемых, включая минимизацию разрушений природной среды на стадии разработки месторождений, рекультивацию земель и ликвидацию негативных последствий после завершения разработки.

Необходимо не только повысить эффективность недропользования в России, но и расширить возможности социально-экономической «капитализации» сырьевого потенциала страны. Эту задачу можно решить через создание в одном из сибирских мегаполисов «сырьевой восточной столицы» страны, которая должна стать значимой не только для России, но и для Евразии в целом. В ней должны быть дислоцированы филиалы с реальными полномочиями, а не

только с представительскими функциями ресурсодобывающих компаний, юниорная биржа, научные и сервисные компании в области технологий геологоразведки, добычи и переработки сырья.

В целом важнейшими направлениями модернизации системы природо- и недропользования в России являются:

- демонополизация производственной деятельности, особенно, в минерально-сырьевом секторе с целью резкого повышения активности малых, средних и многочисленных сервисных инновационно-ориентированных компаний;

- децентрализация (передача полномочий с федерального уровня) принятия решений в большинстве областей социально-экономической сферы и природопользования.

Научно-инновационные механизмы и условия

Мировой опыт развития процессов межрегиональной интеграции и укрепления территориальной сплоченности, равно как и российская практика, показывают, что им препятствует сильная пространственная поляризация в распределении интеллектуальных ресурсов. Поэтому меры по децентрализации научных исследований, НИОКР и в целом инновационной активности должны быть включены в стратегии и программы национального и регионального экономического развития. Это прямо и косвенно будет способствовать снижению различий в экономических показателях регионов и формировать в них экономику нового типа.

Здесь следует рассматривать три основных направления:

1. Поддержка развития региональных отделений Российской академии наук и региональных научных центров. Осуществляемая ныне программа реформирования российской науки направлена на разрушение сложившейся в советский период системы децентрализации науки. Происходящая сегодня, централизация, «атомизация» и дезинтеграция научных институтов и региональных центров приводят как к ослаблению междисциплинарных научных исследований, так и к невозможности консолидации их исследований и практических разработок в интересах развития конкретных территорий (Север, Урал, Сибирь, Дальний Восток). Тем самым теряется влияние региональных научных центров на интеллектуальную и социокультурную среду российских макрорегионов, на становление и развитие в периферийных районах страны особого социума - активных, предприимчивых, патриотичных и инновационно-нацеленных

людей. Наука региональных отделений РАН может и должна выполнять роль ядра консолидации российского общества.

2. Поддержка становления и развития региональных центров интеграции науки, бизнеса, образования и инноваций. Сегодня практика крупномасштабной федеральной поддержки центров инноваций укладывается в идеологию «greenfield» (проекты «в чистом поле»), реализуемые, например, в Москве (Сколково) и Татарстане (Иннополис), или центров, формируемых на базе столичной науки (Научно-технологическая долина МГУ). Результаты пока далеки от желаемых. Между тем большой экономический, социальный и репутационный эффект для России и укрепления ее позиций в мировой инновационной системе может дать поддержка развития других нестоличных и успешно работающих центров науки, инноваций и образования. В качестве пилотного федерального проекта может рассматриваться *формирование «Сибирского наукополиса» с центром в Новосибирском Академгородке как территории опережающего инновационного развития и интеграции науки, образования и бизнеса национальной значимости*. Основу его составляют имеющаяся научно-производственная инфраструктура (в том числе передовые в стране технопарки), сильные научные школы, современная система подготовки кадров для инновационной экономики. Но все это требует подкрепления новой институциональной средой (в том числе путем установления здесь особых режимов привлечения ключевых инвесторов в инновационные проекты) и, возможно, особым режимом научной деятельности в новосибирском научном центре (как пилотный проект корректировки преобразований науки). При успешной реализации такого территориально-инновационного кластера, его опыт может быть распространен на другие ареалы концентрации научно-инновационной деятельности (Красноярск, Томск, Екатеринбург, Хабаровск, Владивосток и др.).

3. Реализация национальной программы поддержки наукоградов с научно-инновационной моноспециализацией (Протвино, Саров) и других закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), работавших ранее и в настоящее время на ОПК страны. Здесь потребуются решать вопросы: научно-инновационной специализации таких пространственных ареалов (в том числе - проблемы их переспециализации на разработку технологий и производство продукции двойного назначения); общие проблемы этих муни-

ципальных образований и поддержки их социальной и инженерной инфраструктуры; проблемы сохранения и привлечения научных и инженерных кадров высокой квалификации.

Отмеченные направления могут быть успешны лишь при одном условии: осознании руководством страны и российским обществом особой актуальности пространственных аспектов развития страны и важности проблемы эффективного управления пространственным развитием России. Это, по-видимому, потребует формирования на федеральном уровне новой институциональной структуры, регулирующей эти процессы. Например, возможно воссоздание Министерства регионального развития РФ с широкими полномочиями или же создание Национального совета пространственного развития России как межведомственной правительственно-экспертной организации с собственным бюджетом, находящейся под непосредственным руководством Президента страны.

Одновременно для преодоления моноцентричности и «зацентрализованности» России целесообразен перенос ряда столичных функций (финансовых, культурных, научных, инновационных, спортивных и др.) в другие региональные столицы центра и востока страны.

2.6. Сибирь в «восточном векторе» развития России

В Президентском послании Федеральному собранию (2013 год) развитие Сибири и Дальнего Востока было провозглашено главной стратегической задачей XXI века⁷. На это было направлено образование в структуре российского Правительства Министерства по развитию Дальнего Востока, а также принятие в декабре 2014 года Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Он предусматривал специальный правовой режим осуществления

⁷ «Вновь подчеркну: ресурсы и государства, и частного бизнеса должны идти на развитие, на достижение стратегических целей. Например, таких, как подъём Сибири и Дальнего Востока. Это наш национальный приоритет на весь XXI век». Из Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (дата обращения 10.06.2017).

предпринимательской деятельности на ограниченной территории с распространением его на субъекты Федерации, расположенные на Дальнем Востоке (пока там действуют 9 территорий опережающего развития - ТОР).

Риторика о приоритетности «восточного вектора» развития России в ее международных экономических и политических взаимодействиях в последнее время заметно усилилась, что связано в том числе с охлаждением отношений с западными странами и с введением санкционных ограничений в отношении России со стороны США, стран ЕС и Канады.

Тем не менее, пока Сибирь и Дальний Восток не получили реальных результатов от этой риторики, от создания ТОРов и дальневосточного министерства (равно, как и сами не продемонстрировали серьезной экономической отдачи). Пока рано давать окончательные оценки, эти процессы только начали разворачиваться. Но, по крайней мере, можно констатировать, что ажиотажа японских, китайских и южнокорейских инвесторов в дальневосточных ТОРах пока не наблюдается.

Серьезные перспективы имеет включение Сибири в крупные междустрановые мегапроекты, примером которого является стратегическая инициатива «Один пояс – один путь», которая очень активно продвигается руководством КНР. В мае 2015 года Президенты Китая и Российской Федерации Си Цзиньпин и В.В.Путин подписали совместное заявление о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Великого шелкового пути. Анализируя это соглашение, директор Центра международных исследований (Пекин, КНР) Цзе Ши отмечал, что «позиции России и Китая в продвижении экономической интеграции Евразии полностью совпадают, а основные политические препятствия в налаживании регионального экономического сотрудничества постепенно устраняются»⁸.

Проблематика сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Великого шелкового пути, облаченная в стратегическую инициативу «Один пояс - один путь» стала предметом международных форумов и аналитических работ. В целом преобладает позитивный настрой в отношении перспектив такого сопряжения, хотя существуют и более осторожные оценки.

⁸ Ши Цзе. Китайский фактор на новом этапе развития восточных регионов России. // ЭКО. - 2017. - № 3. - С. 37-47; стр. 41.

Так, на состоявшемся в июне 2017 года в Харбине (КНР) IV Форуме аналитического центра экономического взаимодействия и инновационного развития между КНР и Российской Федерацией в выступлении одного из профессоров столичного университета прозвучал призыв быть реалистами в оценке действительной эффективности сопряжения ЕАЭС и новой китайской инициативы экономической экспансии в Евразии. Аргументы сводились, в частности, к тому, что, по его мнению, во-первых, для московских элит социально-экономическое развитие экономики Дальнего Востока не является действительным приоритетом, здесь доминируют геостратегические интересы и политическая риторика; и, во-вторых, ни о каком паритете и равноправии России и КНР на восточном векторе такого сопряжения речи быть не может по причине слишком неравных экономических потенциалов сопредельных территорий.

К этому можно, конечно, добавить, что и на самом экономическом пространстве и ЕАЭС и СНГ пока существуют неиспользованные резервы интеграции. Так, Л.Б.Вардомский отмечает, что «...общий ВВП стран Содружества растет быстрее, чем взаимная торговля, а, следовательно, относительное взаимодополнение их экономик сокращается»⁹.

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН был организатором нескольких российско-китайских конференций по региональному развитию и сотрудничеству регионов Сибири, Дальнего Востока и Северо-Востока Китая и всегда отстаивал идею согласования региональных политик двух государств в этой макроне. Именно с этого следует начинать политику «сопряжения», трансформируя их во взаимовыгодные инвестиционные проекты в сфере высокотехнологичных производств, развития инфраструктуры, эффективной и комплексной переработки ресурсов Востока России.

Конечно, первоочередное значение здесь имеет развитие транспортной инфраструктуры. Одним трех новых трансевразийских экономических коридоров является северный (Китай — Центральная Азия — Россия — Европа). Этот коридор может быть усилить интеграционные процессы Евразийского экономического союза, но он минует территорию Сибири и практически не будет оказы-

⁹ Л.Б.Вардомский. Об азиатском векторе развития России // ЭКО. - 2017. - № 7. - С. 99-111.; стр. 105

вать на ее развитие никакого влияния. В исследованиях Института географии и природных ресурсов Академии наук КНР рассматривается возможность формирования другого коридора с выходом на территорию Сибири (в район Иркутской области и республики Бурятия). По-видимому, целесообразна организация совместной российско-китайской экспертизы для изучения вопросов влияния такого проекта на формирование новых зон совместной экономической активности в Восточной Сибири.

Одновременно следует интенсифицировать реализацию проекта организация прямого автомобильного сообщения России и Китая через общую границу на территории республики Алтай и Синцзянь-Уйгурского автономного района. Как показывают исследования, проведенные в ИЭОПП СО РАН, этот проект имеет большие перспективы и позволит более активно вовлечь территории Западной Сибири в российско-китайские интеграционные взаимодействия.

2.7. Эквивалентный и взаимовыгодный межрегиональный обмен в пространстве России

Приведенные выше аргументы о существенных проблемах и диспропорциях в пространственном развитии России могут быть подкреплены серией модельных экспериментальных расчетов, проведенных в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН. В расчетах была использована модифицированная межрегиональная межотраслевая модель, представляющая страну на 2030 год в разрезе 8 федеральных округов и 40 видов экономической деятельности. *Немного теории, поясняющей суть проводимых расчетов.*

Любое парето-оптимальное (лежащее на верхней границе допустимых состояний системы) решение является равновесным по Вальрасу. Т.е. оно может быть получено (спрос и предложение совпадут на всех рынках) в результате совершенно несогласованных действий участников рынка – в данном случае, регионов – которые преследуют исключительно свои цели, ориентируясь только на текущие цены и свои бюджетные возможности. Особенно интересны те равновесия, которые достигаются при нулевых сальдо региональ-

ных бюджетов. Такие точки равновесия многорегиональных систем мы называем состояниями эквивалентного межрегионального обмена.

Если Вальрасовские равновесия — это отдельные точки на парето-границе, то Нэшовские равновесия – области этой границы, имеющие сложную конфигурацию и пока не очень хорошо определяемые. Это – зоны взаимовыгодного межрегионального обмена. Система, попадая в такую зону, называемую «ядром системы», не имеет стимулов для выхода из нее. Любая коалиция регионов, попытавшись выйти из такой системы, будет в проигрыше. Нами предложен алгоритм очерчивания зоны ядра в компьютерном эксперименте, который основан на так называемом «коалиционном анализе».

Такой анализ заключается в расчетах по всем возможным коалициям регионов, включая те, которые состоят из одного региона (т.е. автаркия регионов). Если коалиций слишком много, используются специальным образом построенные выборки (в данном случае проводились расчеты по всем возможным коалициям 9-ти участников: 8 макрорегионов и внешний мир, – таких коалиций 29, т.е. 512). Особый параметрический коалиционный анализ (параметр определяет движение в пространстве территориальной структуры целевого показателя системы) позволяет очертить зону ядра системы. Коалиционный анализ определенного состояния системы сводится к построению шахматной таблицы эффектов межрегиональных экономических взаимодействий в этом состоянии. Элемент этой таблицы – эффект межрегионального взаимодействия – показывает насколько в среднем увеличивается (или уменьшается) целевой показатель региона-реципиента (столбец таблицы 2.3) в результате взаимодействия (отражающего торгово-экономических отношений) с регионом-донором (строка таблицы 2.3).

Расчеты показали, что самым самодостаточным макрорегионом России является Северо-Западный федеральный округ. В состоянии автаркии он сохраняет 85,4% исходного уровня своего целевого показателя (соответствующий диагональный элемент этой таблицы). Это даже больше, чем аналогичный российский показатель накануне распада СССР (64,6 % – здесь эти результаты 30-летней давности не приводятся). По этому критерию неплохо выглядит Сибирский федеральный округ (54,2%), гораздо хуже – Уральский округ (22,5%). В остальных федеральных округах разрыв внешних связей

Таблица 2.3. Эффекты фактических межрегиональных взаимодействий в России (2030 г., % к конечному потреблению регионов)

ФО России	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО	Итого (Общий вклад)	Сальдо взаимодействий
ЦФО	0,0	-24,2	-8,9	-8,5	-9,0	-11,5	-10,7	-0,7	-7,4	-34,7
СЗФО	9,2	85,4	12,1	21,6	25,3	23,6	12,5	16,9	22,5	13,3
ЮФО	4,3	-8,1	0,0	2,8	4,6	16,0	6,2	8,7	4,2	-2,6
СКФО	-1,0	-4,2	-2,9	0,0	-1,9	-3,6	1,8	0,9	-1,5	-4,7
ПФО	7,0	8,0	7,4	6,6	0,0	-0,4	-0,7	20,4	5,1	-6,5
УФО	16,2	17,9	30,5	16,6	11,3	22,5	11,2	15,3	16,8	10,0
СФО	19,3	9,1	22,9	24,2	13,2	13,4	54,2	16,8	20,9	11,8
ДВФО	22,2	6,3	18,2	16,2	27,2	10,4	9,7	0,0	17,2	13,3
Внутренний эффект территориальная структура	77,3 27,3	90,1 9,2	79,3 6,8	79,5 3,2	70,7 11,6	70,3 6,8	84,0 9,1	78,3 3,9	77,8 77,8	
Внешние связи	22,7	9,9	20,7	20,5	29,3	29,7	16,0	21,7	22,2	
Итого территориальная структура	100,0 35,3	100,0 10,2	100,0 8,5	100,0 4,0	100,0 16,4	100,0 9,6	100,0 10,8	100,0 5,0	100,0	

Источник: расчеты ИЭОПП СО РАН

обнуляет их целевой показатель – для такого результата достаточно отсутствия производства хотя бы по одному виду деятельности.

Наиболее сильные последствия от гипотетической автаркии выявляются в Центральном федеральном округе. Его «вклады» в целевые показатели всех федеральных округов оказались отрицательными, причем результатом его взаимодействия с Северо-западным округом является сокращение целевого показателя последнего почти на одну четверть (24,2%). Общее сальдо взаимодействия для этого макрорегиона составило более трети общероссийского целевого показателя (в процентах: $-34,7 = -7,4 - 27,3$; в СССР накануне распада такую же роль играла Украина, но с показателем $-9,6\%$). При этом Центральный федеральный округ вместе с Москвой – это реальный российский центр – научно-образовательный, инновационно-технологический, культурный, транспортно-логистический, финансовый и т.д. Сложившаяся ситуация – следствие непропорционально больших доходов, концентрирующихся, прежде всего, в

Москве в результате сложной системы межбюджетных отношений и сложившихся институциональных условий, предусматривающих, например, уплату налогов крупнейших компаний не по месту основного производства, а по месту регистрации их головных офисов. В результате финансовые ресурсы искусственно стягиваются в федеральный центр со всей страны.

Отрицательно также сальдо взаимодействия для Приволжского, Северокавказского и Южного федеральных округов – но в гораздо меньших масштабах.

Более всего теряют от таких взаимодействий Северо-Западный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Причем самым большим (относительно) сальдо взаимодействия обладает самый маленький экономически федеральный округ – Дальневосточный: 13,3% общероссийского целевого показателя. Такое же по величине сальдо взаимодействия у гораздо более мощного в экономическом отношении федерального округа – Северо-Западного. Сибирский и Уральский федеральные округа характеризуются тоже значимыми (с плюсом) сальдо взаимодействия, но чуть меньшего размера.

Таблица 2.4. Территориальная структура конечного потребления (2030 г., процентные пункты)

ФО России	Факт	Нижний предел ядра	Эквивалентный обмен	Верхний предел ядра
ЦФО	35,29	10,77	20,87	37,37
СЗФО	10,21	4,33	10,49	18,43
ЮФО	8,52	3,66	6,20	14,80
СКФО	4,05	1,52	2,88	6,26
ПФО	16,44	13,69	21,73	37,15
УФО	9,61	6,07	18,15	23,19
СФО	10,85	6,17	14,46	22,69
ДВФО	5,03	2,12	5,23	9,50

Источник: расчеты ИЭОПП СО РАН

Прежде всего, следует отметить, что фактическая территориальная структура целевого показателя в современной России находится в ядре, т.е. обмен между макрорегионами России взаимовыгоден

(табл. 2.4). В то время как в СССР накануне распада только Россия своей фактической долей в общесистемном целевом показателе попадала в ядро, остальные макрорегионы по этому показателю были ниже нижнего предела ядра (Украина с Молдавией, Белоруссия, Закавказье, Прибалтика), или выше верхнего предела (Казахстан, Средняя Азия).

По своей фактической доле в общем целевом показателе близки к состоянию эквивалентного обмена Северо-Западный (факт – 10,21%, равновесие – 10,49%) и Дальневосточный (соответственно, 5,03% и 5,23%) федеральные округа. «Переполучают» по сравнению с эквивалентным обменом Южный, Северо-Кавказский и, особенно, Центральный федеральные округа. Для последнего фактическая доля в потреблении (35,29%) в 1,75 раза выше его доли в состоянии эквивалентного обмена (20,87%) и практически «упирается» в верхнюю границу ядра (37,37%).

«Недополучающими» свою долю общего «пирога» оказываются Приволжский, Сибирский и, особенно, Уральский федеральные округа, так, фактическая доля в общем целевом показателе Урала (9,61%) почти в 2 раза меньше того, что этот макрорегион мог бы получать при эквивалентном обмене (18,15%).

Литература

1. Вардомский Л.Б. Об азиатском векторе развития России // ЭКО. - 2017. - № 7. - С. 99-111.
2. Ершов Ю.С. Экономическое соревнование регионов России. / Регион: экономика и социология. - 2016. №1. - С.83-107.
3. Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. Коалиционный анализ: от республик СССР к регионам России. /ЭКО. - 2016.- №10. - С.5-22.
4. Крюков В.А., Токарев А.Н. Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике: о соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр (теория, практика, анализ и оценка) / отв. ред. В.В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. - Новосибирск: Наука-Центр, 2007. - 588 с.
5. Лексин В.Н. Региональная политика России и ее «Восточный вектор» // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. - 2014. - № 4. - С. 33-48.
6. Михеева Н.Н. Исходные условия для формирования новой модели экономического роста: пространственный аспект// Научные труды ИНП РАН. - М.: МАКС Пресс. - 2016. -С. 586-605.
7. Михеева Н.Н. Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против// Регион: экономика и социология. - 2016. - №4.- С. 196-217.
8. Пилясов А.Н., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Арктическая политика в эпоху глобальной нестабильности: опыт и уроки для России // Регион: экономика и социология. - 2013. - № 4. - С. 61-94.
9. Селиверстов В.Е. Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области: основные итоги разработки // Регион: экономика и социология. - 2016. - № 1. - С. 108-134.
10. Селиверстов В.Е. Три вектора пространственной конфигурации Сибири и Дальнего Востока и роль Китая на востоке России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Теория, практика, методология. - 2014. - Т. 7, № 4. - С. 49-64.

11. Суслов В.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М. Макроэкономические взаимодействия в пространстве России. / Экономические стратегии. – 2016. №5 (139). С.64-71.
12. Узяков М.Н., Сапова Н.Н., Херсонский А.А. Инструментарий макроструктурного регионального прогнозирования: методические подходы и результаты расчетов // Проблемы прогнозирования. 2010. № 2. С. 3-20.
13. Широ́в А.А., Гусев М.С. Логика перехода к новой модели экономического роста // Экономист. - 2015. - №9. – С. 3-12.
14. Широ́в А.А., Янтовский А.А. Оценка мультипликативных эффектов в экономике. Возможности и ограничения // ЭКО. 2011.- № 2.- С. 40-58.
15. Широ́в А.А., Саяпова А.Р., Гусев М.С., Янтовский А.А. Научно-технологическая компонента макроструктурного прогноза // Проблемы прогнозирования. - 2016 г. - том 159. - № 6. - С. 3-17
16. Ши Цзе. Китайский фактор на новом этапе развития восточных регионов России. // ЭКО. - 2017. - № 3. - С. 37-47.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОЛГОСРОЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Научный доклад

Печатается в авторской редакции

Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура «Minion Pro»
Объем 4,375 п.л. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Подписано в печать 11.01.2018 г.

Тираж 150 экз. Заказ 8

Издательский дом «Международные отношения»

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД РФ
119454, Москва, пр. Вернадского, 76